

КОГДА НЕТ ПУТИ НАЗАД

Призрак Ю Несбё

В МИРЕ
ПРОДАНО
БОЛЕЕ
33 000 000
КНИГ
Ю НЕСБЁ

18+

Annotation

После трехлетнего отсутствия бывший полицейский Харри Холе возвращается в Норвегию, чтобы расследовать еще одно убийство. На этот раз им движут глубоко личные мотивы: обвиняемый – сын его прежней возлюбленной Ракели. Харри знал Олега еще ребенком и теперь готов разбиться в лепешку, чтобы доказать его невиновность. Поскольку убитый был наркодилером, Харри начинает поиски в этом направлении. В ходе своего неофициального расследования он узнает о существовании таинственного человека, заправляющего местной наркосетью. Его имени никто не знает. Он появляется из ниоткуда, как призрак, дает указания, казнит и милует, а затем вновь исчезает. Его помощники действуют жестко и убивают не задумываясь. Харри понимает, что, только подобравшись к этому зловещему «призраку», он сумеет помочь Олегу...

Ю Несбё
Призрак

До ее ушей доносились отчаянные вопли. Острыми стрелами они прорывались сквозь все остальные звуки вечернего Осло: размеренный гул автомобилей за окном, завывающую вдали сирену, начавшийся неподалеку перезвон церковных колоколов. Именно в это время по вечерам и изредка перед самым восходом солнца она выходила на охоту. Она водила носом по грязному линолеуму на кухне, молниеносно регистрировала запахи и делила их на три категории: запах еды, запах угрозы и запах того, что несущественно для выживания. Кислый запах серого табачного пепла. Сладкий сахарный вкус крови с ватного тампона. Горькая пивная вонь от пробки, когда-то закрывавшей бутылку «Рингнеса». Летучие молекулы серы, селитры и углекислого газа, поднимающиеся над металлической гильзой от патрона девять на восемнадцать миллиметров, часто называемого просто «малаков»^[1] – по названию пистолета, для которого изначально изготавливался этот калибр. Струйка дыма от сигаретного окурка с желтым фильтром из черной пачки, на которой выдавлен российский двуглавый орел. Табак можно есть. А вот тонкий запах алкоголя, кожи, жира и асфальта. Ботинок. Она обнюхала его и пришла к выводу, что съесть его будет не так легко, как пиджак из шкафа, тот, что пахнет бензином и гниющим животным, из которого сшит. Теперь мозг грызуна был полностью поглощен проблемой форсирования возвышающегося перед ним препятствия. Крыса попробовала пролезть с обеих сторон, попыталась протиснуться своей двадцатипятисантиметровой полукилограммовой тушкой между препятствием и стеной, но у нее ничего не вышло. Препятствие лежало на боку спиной к стене и загоразживало дыру, ведущую в нору, к ее восьми новорожденным, слепым, еще не покрывшимся шерстью малышам, которые кричали все громче и громче, требуя еды. Гора мяса пахла солью, потом и кровью. Это был человек. Все еще живой человек: ее чувствительные уши улавливали слабые удары его сердца, не заглушаемые даже воплями голодных крысят.

Она боялась, но выбора у нее не было. Никакие опасности, никакие усилия, никакие инстинкты не важны, когда надо покормить голодных малышей. И вот она застыла, поводя носом в разные стороны и ожидая, когда к ней придет решение проблемы.

Церковные колокола били в такт с человеческим сердцем. Один удар, два. Три, четыре... Она оскалила зубы.

Июль. Черт. Разве можно умирать в июле. Я что, на самом деле слышу бой колоколов или в этих долбанных пулях был галлюциноген? Ну ладно, все закончится здесь. Да и какая, к черту, разница? Здесь или там, сейчас или потом. Но неужели я заслуживаю смерти в июле? Под звуки птичьего пения, звона бутылок и смеха, доносящегося от реки Акерсельва, посреди охренительного летнего счастья, заполнившего мир за окном? Неужели я достоин того, чтобы лежать на полу в грязной наркоманской дыре с одной лишней дыркой в теле, из которой вытекают жизнь, секунды и вспышки воспоминаний о событиях, благодаря которым я оказался здесь? Все большое и малое, целая гора случайностей и несделанных выборов – это я? Это все? Это моя жизнь? У меня были планы, правда? А теперь остался только пыльный мешок, анекдот без кульминации, такой короткий, что я успел бы рассказать его до того, как этот проклятый колокол перестанет бить. Ох, пушки хреновы! Никто не говорил мне, что умирать так больно. Ты там, папа? Не уходи, только не сейчас. Слушай, анекдот звучит так. Меня зовут Густо. Мне исполнилось девятнадцать лет. Ты

был плохим парнем, оттрахавшим плохую девчонку, а через девять месяцев на свет выскочил я и оказался в приемной семье еще до того, как научился выговаривать слово «папа». Я измывался над ними, как мог, а они только туже затягивали на мне одеяльце, полученное от социальной службы, и спрашивали, что им сделать, чтобы я успокоился. Может, дать мне мягкого мороженого? Они не понимали, что таких, как ты и я, надо расстреливать сразу, истреблять как вредителей, потому что мы несем заразу и упадок и, если нам только предоставляется шанс, плодимся как крысы. Они сами виноваты. Но они тоже хотят обладать. Все хотят чем-то обладать. Мне было тринадцать, когда во взгляде своей приемной матери я прочитал, чем хотела бы обладать она.

– Какой же ты красавчик, Густо, – сказала она, входя в ванную, дверь в которую я не запер.

Я не стал включать душ, чтобы звук ее не спугнул. Она простояла там ровно на одну секунду дольше, чем надо, и вышла. А я расхохотался, потому что теперь я знал наверняка. Вот в чем заключается мой талант, папа: я вижу, чем люди хотят обладать. Это у меня наследственное, да? Ты был таким же? После того как она ушла, я осмотрел себя в большом зеркале. Она не первая сказала, что я красивый. Я развивался быстрее других мальчишек. Высокий, стройный, широкоплечий и мускулистый. Волосы у меня были такими черными, что даже блестели, будто отталкивали от себя весь свет. Высокие скулы. Широкий ровный подбородок. Большой жадный рот с пухлыми, как у девчонки, губами. Смуглая гладкая кожа. Карие, почти черные глаза. Один одноклассник обозвал меня «коричневой крысой». Кажется, его звали Дидрик. Во всяком случае, он собирался стать концертирующим пианистом. Мне исполнилось пятнадцать, и он сказал это вслух прямо в классе. «Коричневая крыса даже читать нормально не научилась».

А я только рассмеялся, потому что, конечно же, знал, зачем он так сказал. Чем он хотел обладать. Камилла, в которую он был тайно влюблен, была так же тайно влюблена в меня. На одной из вечеринок одноклассников я немного познакомился с тем, что было у нее под свитером. Ничего особенного. Я рассказал об этом парочке парней, и, наверное, Дидрик случайно подслушал и решил оттеснить меня. Не то чтобы мне очень уж хотелось остаться на своем месте, но оттеснение есть оттеснение. И я пошел к Туту в байкерский клуб «МС». Я уже понемногу толкал для них наркоту в школе, и теперь я объяснил, что для того, чтобы я мог хорошо делать свою работу, меня должны уважать. Туту пообещал заняться Дидриком. Позже Дидрик отказался объяснить, как он умудрился защемить сразу два пальца в верхней петле двери в мужском туалете, но с тех пор он больше не называл меня коричневой крысой. И – совершенно верно – он так и не стал концертирующим пианистом. Черт, как же больно! Нет, папа, мне нужно не утешение, а выстрел. Только один последний выстрел, и я покину этот мир тихо и спокойно, обещаю. Снова звонят колокола. Папа?

В аэропорту Осло, Гардермуэне, была уже почти полночь, когда рейс SK-459 из Бангкока подрулил к предназначенному для него выходу номер 46. Первый пилот Турд Шульц затормозил до полной остановки «Аэробуса-340», после чего быстро отключил подачу топлива. Металлический лязг работающих реактивных двигателей превратился в добродушное ворчание, и двигатели отключились. Турд Шульц автоматически отметил время: три минуты сорок секунд после касания земли, на двенадцать минут раньше расписания. Вместе со вторым пилотом они приступили к заполнению карты контрольных данных, поскольку самолету предстояло ночевать в Осло. Причем с товаром. Турд Шульц перелистал бортовой журнал. Сентябрь 2011 года. В Бангкоке все еще шли дожди и стояла обычная удушливая жара, и он очень скучал по дому, по первым прохладным осенним вечерам. Осло в сентябре – лучшего места на земле не найти. Он заполнил графу со сведениями о неизрасходованном топливе. Топливные счета. Случалось, ему приходилось за это отвечать – после рейсов из Амстердама и Мадрида, когда он летел быстрее, чем предписывала экономическая рациональность, сжигая топливо на тысячи крон, чтобы успеть. В конце концов его вызвали на ковер к начальству.

– Успеть куда? – прорычал старший пилот. – У тебя на борту не было пассажиров, спешивших на стыковочные рейсы!

– Самая пунктуальная авиакомпания в мире, – пробормотал Турд Шульц рекламный слоган.

– Самая экономически хреновая авиакомпания в мире! Это все твои объяснения?

Турд Шульц пожал плечами. Ведь он не мог рассказать, что произошло на самом деле: он открыл топливные шлюзы, так как ему самому надо было успеть. Успеть на рейс в Берген, Тронхейм или Ставангер. Потому что было крайне необходимо, чтобы именно он, и никакой другой пилот, выполнил этот рейс.

Он был слишком стар, и единственное, что его начальники могли сделать, – это наорать и отругать. Он не допускал серьезных ошибок, профсоюз надежно его защищал, и ему оставалось всего два года до two fives^[2], до пятидесяти пяти лет, когда он выйдет на пенсию. Турд Шульц вздохнул. Всего несколько лет, чтобы исправить ситуацию и не окончить свои дни самым экономически хреновым пилотом.

Он расписался в бортовом журнале, поднялся и вышел из кабины, чтобы продемонстрировать пассажирам ряд белоснежных пилотских зубов на смуглом пилотском лице. Улыбнуться им так, чтобы они поняли: он – это мистер Надежность. Пилот. Название профессии когда-то придавало ему значимости в глазах других. Он видел, как люди, мужчины и женщины, молодые и старые, после произнесения магического слова «пилот» автоматически начинали смотреть на него другими глазами, замечали харизму, небрежный мальчишеский шарм, а вместе с этим – холодную расчетливость и решительность капитана воздушного судна, выдающийся интеллект и мужество человека, бросающего вызов физическим законам и врожденным страхам обычных людей. Но это было давно. Теперь на него смотрели как на водителя автобуса и спрашивали, сколько стоят самые дешевые билеты в Лас-Пальмас и почему в самолетах «Люфтганзы» больше места для ног.

Черт бы их побрал. Черт бы побрал их всех.

Турд Шульц встал у выхода рядом со стюардессами, выпрямился и улыбнулся, произнес

«добро пожаловать, мисс» на певучем тexasском американском, который выучил в летной школе в Шеппарде. Получил в ответ одобрительную улыбку. Бывали времена, когда с такой улыбкой он мог договориться о свидании в зале прибытия. И договаривался. От Кейптауна до Альты. Женщины. Вот в чем была проблема. И решение. Женщины. Больше женщин. Новых женщин. А теперь? Волосы под форменной фуражкой уже поредели, но сшитая на заказ форма подчеркивала его рост и широкие плечи. Именно свое тело он обвинил в том, что не попал в число курсантов летной школы, осваивавших истребители, а стал пилотом грузового «геркулеса», небесной ломовой лошадки. Он поведал всем, что рост его оказался слишком большим, а в кабины «старфайтера», «F-5» и «F-16» помещаются только карлики. Но правда заключалась в том, что он не выдержал конкуренции. С телом же все было в порядке. Всегда. Тело – это единственное, что ему удалось сохранить в приличном состоянии с тех времен, единственное, что не распалось, не рассыпалось. Как браки, семья, друзья. Как это случилось? Где он был, когда это произошло? Возможно, в гостиничном номере в Кейптауне или в Альте, с кокаином в носу для компенсации убийственного воздействия алкоголя на потенцию и с членом в позиции «не возвращайтесь, мисс» для компенсации того, чем он не был и никогда не станет.

Взгляд Турда Шульца остановился на мужчине, идущем по проходу между креслами. Несмотря на склоненную голову, он возвышался над остальными пассажирами. Высокий и широкоплечий, как и сам Турд Шульц. Короткая стрижка, волосы стоят так, словно по ним только что прошли щеткой. Моложе Турда Шульца, по-видимому норвежец, но не похож на туриста, возвращающегося домой, скорее на экспата с блеклым, почти серым загаром, характерным для белых, много времени проводивших в Юго-Восточной Азии. Коричневый льняной костюм, несомненно сшитый на заказ, производил впечатление качества и надежности. Возможно, бизнесмен, дела у которого идут не блестяще, ведь он путешествует экономическим классом. Но не костюм и не рост мужчины приковали взгляд Турда Шульца, а шрам. Он шел от левого уголка рта почти до самого уха, серповидный, похожий на улыбку. Гротескный и потрясающе драматичный.

– До встречи.

Турд Шульц вздрогнул, но не успел ответить на приветствие до того, как мужчина вышел из самолета. Голос у него был грубым и хриплым, а налитые кровью глаза свидетельствовали о том, что он недавно проснулся.

Самолет опустел. Микроавтобус с уборщиками, которые должны были привести в порядок салон, подъехал, когда экипаж дружно сходил по трапу. Турд Шульц отметил, что невысокий плотный русский в желтом жилете с логотипом компании «Соло» первым вышел из машины и быстро поднялся в салон.

«До встречи».

В мозгу Турда Шульца вновь и вновь звучали эти слова, пока он шел по коридору в комнату предполетной подготовки экипажей.

– У тебя разве не было еще и сумки? – спросила одна из стюардесс, указывая на чемодан «Самсонайт» Турда.

Он не помнил, как ее зовут. Миа? Майя? Во всяком случае, он переспал с ней во время одной из ночевок когда-то в прошлом веке. Или нет?

– Не было, – ответил Турд Шульц.

«До встречи». Это значит «еще встретимся»? Или «я знаю, что ты хочешь встретиться со мной еще раз»?

Они прошли мимо перегородки перед входом в комнату предполетной подготовки экипажей, где теоретически в засаде мог сидеть таможенник. Девяносто процентов времени стул за перегородкой был пуст, и Турда Шульца никогда – ни разу за те тридцать лет, что он проработал в авиакомпании, – не останавливали для досмотра.

«До встречи».

«Будто он знает, кто я. Будто он знает, чем я занимаюсь».

Турд Шульц поспешил в комнату предполетной подготовки экипажей.

Сергей Иванов, как обычно, позаботился о том, чтобы первым выйти из микроавтобуса, остановившегося рядом с аэробусом, и взбежать по трапу в пустой самолет. Он вошел с пылесосом в кабину пилота и закрыл за собой дверь, натянул латексные перчатки до места, откуда начинались татуировки, поднял переднюю панель пылесоса, открыл шкафчик капитана, достал из него маленькую сумку «Самсонит», расстегнул на ней молнию, отодвинул на дне металлическую крышку и убедился, что под ней лежат все четыре килограммовых пакета, похожие на кирпичи. Потом он засунул сумку в пылесос, между насадками и пылесборником, который он только что опустошил, захлопнул переднюю панель пылесоса, открыл замок на двери кабины и включил пылесос. Все это было сделано за несколько секунд.

После того как уборщики вымыли и вычистили салон, они вышли из самолета, забросили голубые мусорные мешки в «дайхатсу» и поехали обратно в свою диспетчерскую. До закрытия аэропорта на ночь оставалось принять и отправить всего несколько рейсов. Иванов через плечо посмотрел на Йенни, начальницу смены. Он скользнул взглядом по монитору компьютера, отражавшему расписание рейсов. Никаких задержек.

– Я возьму Берген у двадцать восьмого выхода, – сказал Сергей со своим жестким русским акцентом.

Но он хотя бы выучил язык, а ведь многие его соотечественники, прожившие в Норвегии больше десяти лет, по-прежнему были вынуждены прибегать к помощи английского. Когда Сергея перевезли сюда почти два года назад, дядя ясно дал понять, что ему придется выучить норвежский, добавив в утешение, что, вполне вероятно, Сергей унаследовал его талант к языкам.

– У двадцать восьмого есть люди, – сказала Йенни. – Можешь подождать тронхеймский рейс у двадцать второго.

– Я возьму Берген, – повторил Сергей. – А Ник возьмет Тронхейм.

Йенни подняла на него глаза.

– Как хочешь. Только не перетрудишься, Сергей.

Сергей подошел к одному из стульев, стоявших вдоль стенки, и сел, осторожно облокотившись на спинку. Кожа между лопаток, там, где трудился норвежский татуировщик, все еще была очень чувствительной. Норвежец работал по рисункам, которые Сергею прислал Имре, татуировщик из тагильской зоны, и производство еще не было закончено. Сергей вспомнил наколки дядиных помощников, Андрея и Петра. Бледно-голубые линии на коже двух алтайских казаков рассказывали о перипетиях их непростых жизней. В прошлом Сергея тоже был один подвиг. Убийство. Маленькое дельце, но оно уже было обозначено иголкой и чернилами и имело форму ангела. Возможно, ему предстоит еще одно убийство. Большое дело. Если *необходимое* станет необходимостью, как сказал дядя, попросив его подготовиться морально и поупражняться с ножом. Приедет человек, сказал он. Появится ли

он, доподлинно было неизвестно, но вероятность его появления существовала.

Вероятность.

Сергей Иванов посмотрел на свои руки. Он по-прежнему был в латексных перчатках. Конечно, ему крупно повезло, что благодаря рабочей одежде он не оставляет отпечатков пальцев на пакетах. Если вдруг что-нибудь пойдет не так... Они занимались этим так долго, что время от времени ему приходилось напоминать себе о риске, чтобы оставаться в форме. Он надеялся, что руки его будут такими же спокойными, когда им придется сделать *необходимое*. Когда он заслужит наколку, рисунок для которой уже заказал. Он снова представил себе, как дома, в Тагиле, снимет рубашку перед друзьями-урками и продемонстрирует им свои наколки, не требующие ни объяснений, ни слов. Он покажет их молча. И прочтает в их глазах, что для них он больше не Кроха Серега. На протяжении нескольких недель в своих вечерних молитвах он умолял Господа скорее послать ему этого человека. И чтобы *необходимое* стало необходимостью.

Потрескивающая рация передала указание об уборке бергенского рейса.

Сергей, позевывая, поднялся.

На этот раз процедура в кабине пилота была еще проще: открыть пылесос, переложить сумку в капитанский шкафчик.

На выходе они столкнулись с экипажем, поднимавшимся на борт. Стараясь не встретиться взглядом со штурманом, Сергей Иванов опустил глаза вниз и отметил, что у него такой же чемодан, как и у Шульца. «Самсонит Аспайр ГРТ». Такого же красного цвета. Без маленькой сумки, которую можно прикрепить сверху. Они ничего не знали ни друг о друге, ни о причинах, по которым оказались втянутыми во все это, ни о прошлом или о семьях друг друга. Единственным, что связывало Сергея, Шульца и молодого штурмана, были телефонные номера на их незарегистрированных мобильных, купленных в Таиланде, чтобы обмениваться сообщениями в случае, если в расписании произойдут изменения. Сергей не был уверен, что Шулец и штурман знают о существовании друг друга. Андрей внимательно следил за тем, чтобы все знали только то, что необходимо. Поэтому Сергей был не в курсе того, что дальше происходит с пакетами. Но догадывался. Потому что когда пилот внутреннего рейса Осло – Берген совершает посадку в пункте назначения, ему не надо проходить таможенную и контроль безопасности. Штурман везет сумку с собой в гостиницу в Бергене, где ночует экипаж. Тихий стук в дверь гостиничного номера посреди ночи – и четыре килограмма героина меняют хозяина. Несмотря на то что новая дурь, «скрипка», немного сбила цены на героин, розничная цена на дозу у уличных торговцев составляла не меньше двухсот пятидесяти крон. Тысяча за грамм. При условии, что товар, уже разбавленный, будет разбавлен еще раз, выйдет около восьми миллионов крон. Считать Сергей умел. И понимал, что ему недоплачивают. Но он знал, что заслужит кусок побольше, после того как сделает *необходимое*. А на такую зарплату он через пару лет сможет купить дом в Тагиле, найти красавицу-сибирячку и перевезти к себе родителей, когда они станут совсем старенькими.

Сергей Иванов чувствовал зуд между лопатками, там, где была татуировка.

Казалось, даже кожа радостно ждет продолжения.

Мужчина в льняном костюме сошел со скоростного поезда из аэропорта на Центральном вокзале Осло. Он удостоверился, что в его старом родном городе стоит теплая погода, а воздух до сих пор мягкий и нежный. В руках у него был почти до смешного маленький кожаный чемоданчик. Быстрой упругой походкой мужчина вышел из вокзала с южной стороны. Перед ним размеренно билось сердце Осло, которого, по мнению иных, у города не было. Ночной ритм. Несколько автомобилей, круживших по многоуровневой дорожной развязке, один за другим направлялись на восток, в сторону Стокгольма и Тронхейма, на север, к другим районам города, или на запад, по направлению к Драммену и Кристиансанну. Своими размерами и формой дорожная развязка напоминала бронтозавра, вымирающего гиганта, который скоро исчезнет, чтобы дать место жилым домам и бизнес-центрам в новом роскошном районе Осло, где уже возвышалось новое роскошное здание Оперного театра. Мужчина остановился и посмотрел на белый айсберг, расположившийся между развязкой и фьордом. Это здание уже получило множество архитектурных премий по всему миру, люди со всех концов света приезжали сюда, чтобы спуститься к морю по крыше из белого итальянского мрамора. Свет, лившийся из огромных окон Оперы, был таким же интенсивным, как лунный свет, падавший на здание.

«Да уж, черт возьми, украшение», – подумал мужчина.

Перед ним простиралось не будущее города, а его прошлое. Потому что здесь всегда находился так называемый тир – территория наркоманов, где они кололись и погружались в иллюзорный мир прямо за тонкой стеной барака, скрывавшей потерянных детей города от посторонних взглядов. Тонкая стена отделяла их от ничего не подозревающих благожелательных социал-демократических родителей. «Украшение, – подумал он. – Они уносятся в преисподнюю, окруженные красотой».

В последний раз он стоял здесь три года назад. Вокруг все было новым. И ничего не изменилось.

Они устроились на полоске травы между вокзалом и шоссе, практически на обочине. Такие же одурманенные, как тогда. Они лежат на спине с закрытыми глазами, как будто солнце светит слишком ярко, или сидят на корточках и ищут не до конца исколотую вену, или стоят, скрюченные и подкошенные ломкой, не понимая, на каком они свете. Такие же лица. Лица не тех же самых живых мертвецов, которых он видел, когда ходил здесь, – те, конечно, уже давным-давно стали самыми настоящими мертвецами. Но лица такие же.

По дороге на улицу Толлбугата он встретил и других. Поскольку это было напрямую связано с причиной, по которой он вернулся сюда, мужчина решил изучить ситуацию. Решить, больше их стало или меньше. Он отметил, что на Плате опять идет торговля. Небольшой квадратный кусочек асфальта на западной стороне Привокзальной площади, выкрашенный в белый цвет, назывался Ослоским Тайванем и являлся зоной свободного обращения наркотиков, созданной для того, чтобы власти могли иметь какой-никакой контроль за происходящим и, возможно, отлавливать впервые решившихся на покупку. Но постепенно объем торговли существенно возрос, и Плата показала истинное лицо Осло – лицо города с одним из самых высоких показателей потребления героина в Европе. И это место превратилось в настоящую туристическую достопримечательность. Уровень оборота героина и статистика передозировок давно стали позором столицы, но тем не менее они не

так бросались в глаза, как Плата. Газеты и телеканалы на всю страну показывали одурманенную молодежь, зомби, собиравшихся в центре города среди бела дня. Во всем винили политиков. Когда у руля были правые, левые метали громы и молнии: «Слишком мало программ лечения», «Тюрьмы плодят наркоманов», «Новое классовое общество приводит к созданию банд и развитию наркотрафика в среде иммигрантов». Когда у руля были левые, правые метали громы и молнии: «Слишком мало полиции», «Беженцам чересчур просто получить вид на жительство», «Семеро из десяти заключенных – иностранцы».

Поэтому, пометавшись из одной крайности в другую, городские власти Осло приняли неизбежное решение – пощадить самих себя. Замести мусор под ковер. Закрывать Плату.

Мужчина в льняном костюме заметил на лестнице человека в красно-белой футболке футбольного клуба «Арсенал», перед которым с ноги на ногу переминались четверо других. Арсеналец резко, как курица, повернул голову направо, потом налево. Головы четверых остальных оставались неподвижными, они не сводили взгляда с парня в футболке «Арсенала». Стая. Дилер на лестнице подождет, пока она не станет большой, полноценной стаей из пяти-шести человек. После этого он соберет плату за заказы и отведет клиентов к наркоте. За угол или во двор, где его ждет напарник. Принцип прост: тот, у кого наркотики, никогда не вступает в контакт с деньгами, а тот, кто собирает деньги, не прикасается к наркотикам. Таким образом, полиции трудно получить надежные доказательства, чтобы предъявить напарникам обвинение в торговле наркотиками. Однако мужчина в льняном костюме был удивлен: то, что он видел, было старым методом, распространенным еще в восьмидесятые – девяностые годы. После того как полиция проиграла борьбу уличным дилерам, продавцы отказались от многих мер предосторожности, таких как сбор стаи, и начали продавать дозы каждому клиенту в отдельности: в одной руке деньги, в другой – пакетик дури. Неужели полиция снова стала отлавливать уличных дилеров?

Подъехал человек в костюме велогонщика: шлем, оранжевые очки, одежда ярких цветов с вентиляцией. Под облегающими шортами вздуваются мускулы, велосипед на вид дорогой. Поэтому он и взял его с собой, когда вместе со стаей проследовал за арсенальцем за угол, к другой стороне здания. Вокруг все было новым. И ничего не изменилось. Но их ведь стало меньше, или нет?

Путаны на углу улицы Шиппергата заговорили с ним на ломаном английском: «хей, бейби», «вейт а минит, хэндсом», но он в ответ лишь покачал головой. Казалось, слава о его целомудренности, а может, и о безденежье распространялась быстрее, чем он шел, потому что девочки, стоявшие в другом конце улицы, не проявили к нему никакого интереса. В его время проститутки в Осло одевались практично – в джинсы и ветровки. Их было мало, и на их рынке главным был продавец. Теперь конкуренция возросла, и появились короткие юбки, высокие каблуки и ажурные колготки. Похоже, африканские красотки уже мерзнут. «Подождите, то ли будет в декабре», – подумал мужчина.

Он углублялся в район Квадратура, где когда-то располагался первый центр города Осло, а теперь была лишь асфальтовая пустыня, окруженная административными зданиями и офисами, где работало двадцать пять тысяч рабочих муравьев, устремлявшихся домой в четыре или пять часов вечера, оставляя эту часть города ночным грызунам. В те времена, когда король Кристиан IV заложил район с квадратными кварталами, возведенными в соответствии с идеями возрождения о геометрическом порядке, количество населения города регулировалось пожарами. По слухам, каждую ночь високосного года здесь можно

было увидеть призраки бегущих между домами людей, объятых пламенем, услышать их крики, проследить, как они сгорают дотла и испаряются, оставляя после себя лишь небольшие кучки пепла на асфальте, и если успеть подобрать этот пепел до того, как его унесет ветер, и съесть, то дом, в котором ты сам живешь, никогда не сгорит. Из-за опасности возникновения пожаров Кристиан IV заложил широкие по меркам бедного Осло улицы. Здания он выстроил из традиционного норвежского материала – камня. Мужчина шел вдоль одной из каменных стен и увидел вход в бар. Из него на стоящих на улице курильщиков лилась новая версия песни группы «Guns N’ Roses» «Welcome To The Jungle»^[3]. Песню просто изнасиловали, превратив в танцевальное регги, плюнув в лицо Марли и Роузу, Слэшу и Стрэдлину. Мужчина остановился перед вытянутой рукой.

– Огоньку не найдется?

Пышная грудастая дамочка далеко за тридцать смотрела на него снизу вверх, призывно сжимая сигарету покрашенными красными губами.

Он приподнял бровь и посмотрел на хохочущую подружку дамочки, стоявшую позади нее с дымящейся сигаретой. Грудастая тоже заметила подружку и рассмеялась, покачнувшись.

– Да не будь ты таким тугодумом, – сказала она на том же южном диалекте, на каком говорит кронпринцесса.

Мужчина слышал, что одна проститутка на внутреннем рынке сколотила себе целое состояние, одеваясь как крон-принцесса, разговаривая как она и стараясь во всем быть похожей на нее. И что в пять тысяч за час входил пластмассовый скипетр, которым клиент мог распоряжаться по своему усмотрению.

Заметив, что он собирается идти дальше, шлюха положила руку ему на плечо и наклонилась, дохнув ему в лицо красным вином.

– Ты на вид приличный парень. Не хочешь дать мне... огоньку?

Он повернулся к ней другой стороной лица. Плохой стороной. Стороной не слишком-то приличного парня. Почувствовал, как она вздрогнула и отпустила его, увидев след от конголезского гвоздя, похожий на запорошенную тропинку, тянущуюся ото рта до уха.

Он зашагал дальше и услышал, что заиграла музыка «Nirvana». «Come As You Are»^[4]. Оригинальная версия.

– Хэш не нужен?

Голос доносился из подворотни, но мужчина не остановился и не оглянулся.

– Спид?

Он был чистым уже три года и не собирался снова подсаживаться.

– «Скрипка»?

Только не сейчас.

Впереди на тротуаре возле двух дилеров, пристававших к нему, остановился молодой парень, которому те что-то показали. При приближении мужчины парень поднял серые глаза и уставился на него внимательным взглядом. Взгляд полицейского, подумал мужчина, опустил голову и перешел на другую сторону улицы. Возможно, у него паранойя, ведь маловероятно, чтобы такой молодой полицейский узнал его.

Вот и гостиница. Прибежище. «Леон».

В этой части улицы было практически безлюдно. Он увидел, как на противоположной стороне улицы, под фонарем, покупатель наркотиков слезает с велосипеда вместе с другим велосипедистом, также облаченным в спортивную форму. Один помог другому всадить

шприц в шею.

Мужчина в льняном костюме покачал головой и посмотрел на фасад здания, возвышавшегося перед ним.

Под окнами последнего, четвертого этажа висел все тот же серый от грязи баннер «Четыреста крон в сутки!». Вокруг все было новым. И ничего не изменилось.

В гостинице «Леон» был новый портье. Молодой парень, встретивший мужчину в льняном костюме преувеличенно вежливой улыбкой и, что было необычным для «Леона», без тени недоверия. Он произнес «добро пожаловать» без всякой иронии в голосе и попросил предъявить паспорт. Мужчина подумал, что из-за загара и льняного костюма его приняли за иностранца, и протянул портье свой красный норвежский паспорт, потрепанный и усеянный печатями. Слишком много печатей, чтобы жизнь его обладателя можно было назвать счастливой.

– А, вот как, – сказал портье, возвращая ему паспорт. Затем он положил на стойку бланк анкеты и ручку. – Достаточно заполнить графы, отмеченные крестиком.

Мужчина удивился: анкета для заселения в «Леон»? Видимо, кое-что все-таки изменилось. Он взял ручку и заметил, как портье устался на его руку, на средний палец. На то, что когда-то было средним пальцем, пока его не отрезали в одном из домов в районе Хольменколлосен. Теперь на месте первой фаланги красовался серо-синий матовый титановый протез. От него было не слишком много пользы, но он помогал удерживать баланс между указательным и безымянным пальцами при хватательных движениях и не мешал в остальных случаях, поскольку был коротким. Единственным недостатком протеза была необходимость постоянно отвечать на вопросы во время прохождения досмотра в аэропортах.

Мужчина заполнил графы «Имя» и «Фамилия».

«Дата рождения».

Он вписал дату, отдавая себе отчет в том, что выглядит мужчиной лет сорока с небольшим, а не той старой развалиной, какой уехал отсюда три года назад. Он подчинил свою жизнь строгому режиму: тренировки, здоровое питание, сон и – естественно – стопроцентное воздержание от наркотиков. Он соблюдал свой режим не для того, чтобы выглядеть моложе, а для того, чтобы не сдохнуть. К тому же ему это нравилось. На самом деле он всегда любил четкое расписание, дисциплину, порядок. Так почему же жизнь его превратилась в хаос, деструкцию, самоуничтожение и разрыв отношений и проживалась отрезками между черными периодами наркотического опьянения? Незаполненные графы вопросительно взирали на него. Но они были слишком узки для его ответов.

«Адрес постоянного местожительства».

Хорошо. Квартира на Софиес-гате была продана сразу после его отъезда три года назад, как и родительский дом в районе Уппсал. При его нынешней профессии наличие постоянного официального адреса было фактором риска. Поэтому он написал то, что обычно писал при заселении в другие гостиницы: Чанг-Кинг-мэншн, Гонконг. Что было так же далеко от истины, как и любой другой адрес.

«Профессия».

Убийство. Этого он не написал. Графа не была отмечена крестиком.

«Номер телефона».

Он записал фиктивный номер. Мобильный телефон можно отследить – и разговоры, и

твое местоположение.

«Номер телефона ближайших родственников».

Ближайших родственников? Какой муж добровольно впишет в эту графу номер своей жены при заселении в «Леон»? Это местечко вполне можно было назвать почти официальным борделем в Осло.

Портье прочитал его мысли:

– Только на тот случай, если вам станет плохо и нам надо будет кого-то вызвать.

Харри кивнул. В случае остановки сердца во время акта.

– Можете не оставлять телефон, если у вас нет...

– Нет, – сказал мужчина, продолжая стоять и смотреть на анкету.

Ближайшие родственники. У него была Сес. Сестра с «легким намеком на синдром Дауна», как она сама это называла. Однако она всегда справлялась с жизненными обстоятельствами намного лучше своего старшего брата. Кроме Сес, никого. Действительно никого. Во всяком случае, никаких ближайших родственников.

Он поставил крестик в графе «Наличные», отвечая на вопрос о способе оплаты, подписал и протянул анкету портье. Тот быстро пробежал ее глазами. И тогда Харри наконец-то заметил его. Недоверие.

– Вы... Вы – Харри Холе?

Харри Холе кивнул:

– Это что, проблема?

Парень покачал головой. Сглотнул.

– Прекрасно, – сказал Харри Холе. – Может, тогда дадите мне ключ?

– О, простите! Вот. Триста первый.

Харри взял ключ и отметил, что зрачки у парня расширились, а тон стал более серьезным.

– Это... это был мой дядя, – сказал парнишка. – Это его гостиница, он раньше сидел за стойкой. Он рассказывал о вас.

– Надеюсь, только хорошее, – сказал Харри, улыбнулся, поднял маленький кожаный чемодан и пошел вверх по лестнице.

– Лифт...

– Не люблю лифты, – ответил Харри, не оборачиваясь.

Комната была такой же, как прежде. Ободранная, маленькая, местами чистая. Нет, появились новые шторы. Зеленые, плотные. Наверняка такие, что не надо гладить. Кстати... Харри повесил костюм в ванной и включил душ, чтобы пар расправил складки на материале. Костюм из «Панджаб-хаус» на улице Натан-роуд стоил ему восемьсот гонконгских долларов, но при его работе это была необходимая инвестиция: никто не будет уважительно относиться к человеку в лохмотьях. Он встал под душ. От горячей воды покалывало кожу. После душа он нагишом прошел через комнату к окну и открыл его. Третий этаж. Задний двор. Из другого открытого окна раздавались ненатуральные громкие стоны. Харри ухватился руками за карниз для штор и высунулся наружу. Взгляд его сразу упал на открытый мусорный бак, и он учуял поднимающийся оттуда сладкий запах мусора. Он плюнул и по звуку понял, что попал на что-то бумажное. Раздавшийся после этого звук издавала явно не бумага. Что-то щелкнуло, и зеленые плотные шторы рухнули на пол по обе стороны от Харри. Черт! Он вытянул тонкий карниз из петель шторы. Карниз был старого типа и представлял собой деревянную палку, увенчанную с обоих концов луковицами. Его уже ломали раньше и

пытались склеить скотчем.

Харри сел на кровать и открыл ящик тумбочки. Там лежали Библия в обложке из голубой искусственной кожи и швейный набор, состоящий из черной нитки, намотанной на белую бумажку, в которую воткнута иголка. Поразмыслив немного, Харри пришел к выводу, что эти вещи здесь вполне к месту. Гости могли пришить оторванную от штанов пуговицу и прочитать об отпущении грехов. Он лег и уставился в потолок. Вокруг все было новым, и ничего не... Харри закрыл глаза. Он не спал во время полета и теперь, несмотря на смену часовых поясов и на отсутствие шпоров, заснул. И увидел тот же сон, который видел каждую ночь на протяжении последних трех лет: он бежит по коридору от грохочущей снежной лавины, поглощающей весь кислород, так что ему становится нечем дышать.

Надо просто немного подождать и не открывать глаза.

Он не мог удержать ускользающие мысли.

Ближайшие родственники.

Род. Родные.

Родственник.

Именно родственником он и был. Поэтому он вернулся.

Сергей ехал по шоссе Е6 в Осло, мечтая о том, как уляжется в кровать в квартире в районе Фюрюсет. Он ехал со скоростью не более ста двадцати, хотя поздней ночью движения на шоссе почти не было. Зазвонил мобильный. Тот самый мобильный. Разговор с Андреем был коротким. Он поговорил с дядей, или, как Андрей его называл, атаманом. Когда разговор закончился, Сергей больше не мог сдерживаться. Он вдавил педаль газа в пол и заорал от радости. Тот человек прибыл. Сегодня вечером. Он здесь! Андрей сказал, что пока Сергею ничего не нужно предпринимать, что ситуация еще может разрешиться сама собой. Но ему надо быть полностью готовым – морально и физически. Потренироваться с ножом, выспаться, сосредоточиться. Если необходимое станет необходимостью.

Турд Шульц почти не заметил, как самолет с шумом пронесся над крышей дома, где он, тяжело дыша, сидел на диване. Обнаженный торс его был покрыт тонким слоем пота, а эхо лязгающего железа все еще летало между голыми стенами гостиной. Позади него находились стойки со штангой, под которой стояла скамейка с покрытием из искусственной кожи, блестящей от его пота. С телеэкрана на него смотрел Дональд Дрейпер^[5], шуря глаза от сигаретного дыма и прихлебывая виски из стакана. Над ними пролетел еще один самолет. «Безумцы». Шестидесятые. США. Дамы в элегантных нарядах. Элегантные напитки в элегантных бокалах. Элегантные сигареты без вкуса ментола и фильтра. В те времена то, что не убивало тебя, делало тебя сильнее. Он купил только первый сезон сериала. И постоянно пересматривал его. Он не был уверен, что ему понравится продолжение.

Турд Шульц взглянул на белую полоску на стеклянной столешнице и вытер край удостоверения. Для того чтобы растолочь, он обычно использовал удостоверение личности. Удостоверение, которое он крепил к нагрудному карману капитанской формы, которое давало ему доступ к служебным помещениям, к кабине пилота, к небу, к зарплате. Удостоверение, которое делало его тем, кем он был. Удостоверение, которое вместе со всем остальным у него отберут, если кто-нибудь узнает. Поэтому пользоваться удостоверением для данной цели казалось ему правильным. Посреди всей окружающей лжи в этом было что-то честное.

Завтра рано утром им предстоит лететь обратно в Бангкок. Два дня отдыха в отеле «Сухумвит резиденс». Хорошо. Теперь все будет хорошо. Лучше, чем раньше. Ему не нравилось, как все было организовано, когда он возил товар из Амстердама. Слишком много риска. После того как стало известно, насколько активно южноамериканские экипажи участвовали в контрабанде наркотиков в Шипхол, досмотр ручной клади и личный досмотр стал обычным делом для всех экипажей всех авиакомпаний. Кроме того, прежняя процедура предполагала, что он сам должен был выносить пакеты из самолета и носить их с собой до тех пор, пока позже в тот же день не полетит в Берген, Тронхейм или Ставангер. Внутренними рейсами, на которые ему надо было успеть даже ценой сжигания лишнего топлива для наверстывания времени при задержках с вылетом из Амстердама. В Гардермуэне он, естественно, все время находился на служебной половине, поэтому никакой таможенный досмотр ему не угрожал, но иногда он был вынужден по шестнадцать часов хранить груз в своем багаже, прежде чем предоставлялась возможность передать его получателю. И процесс передачи тоже не всегда был совершенно безопасным: машины на парковках, гостиницы с бдительным персоналом.

Он свернул трубочкой тысячекроновую бумажку из конверта, полученного от них при прошлой встрече. Существуют пластмассовые трубочки, сделанные специально для этих целей, но он был не таким: он вовсе не был тяжелым наркоманом, как она охарактеризовала его своему адвокату по бракоразводным делам. Ловкая сучка заявила, что хочет развестись, чтобы дети не росли рядом с отцом-наркоманом, и что она не может сидеть и смотреть, как он пронюхивает дом и семью. И что все это никак не связано со стюардессами, на это ей ровным счетом плевать и на это она давным-давно закрыла глаза, потому что с возрастом это у него все равно пройдет. Они с адвокатом выдвинули ему ультиматум. Ей отойдет дом, дети и остатки отцовского наследства, которое он еще не профукал. В случае его отказа они заявят

о том, что он хранит и использует кокаин. Она собрала массу доказательств, и даже его собственный адвокат сказал, что авиакомпания отстранит его и добьется осуждения.

Несложный выбор. Единственное, что она разрешила ему оставить себе, – это долги.

Турд Шульц поднялся, подошел к окну гостиной и выглянул наружу. Пора бы им уже появиться.

Это была относительно новая процедура. Ему надо было вывезти один пакет в Бангкок. Одному богу известно зачем. Все равно что везти рыбу на Лофотенские острова. Так или иначе, он проделывал это уже в шестой раз, и пока все шло без сучка, без задоринки.

В соседних домах горел свет, но они располагались на большом расстоянии друг от друга. Одинокие дома, подумалось ему. В те времена, когда Гардермуэн был военным аэродромом, здесь находилось жилье командного состава. Одноэтажные одинаковые коробки, разделенные большими голыми лужайками. Совсем невысокие, чтобы даже очень низко летящий самолет не мог в них врезаться. На большом расстоянии друг от друга, чтобы пожар после падения самолета не распространился на соседние строения. Они жили здесь, когда он проходил обязательную службу на «геркулесе». Дети бегали между домами к детям коллег. Суббота, лето. Мужчины колдуют вокруг грилей в передниках, с аперитивом в руках. Из открытых кухонных окон, где жены готовят салаты и пьют «Кампари», раздаются голоса. Как на кадрах из «Парней что надо»^[6], его любимого фильма про первых астронавтов и пилота-испытателя Чака Йегера. Дьявольски красивые жены летчиков, несмотря на то что их мужья летали всего лишь на «геркулесах». В те времена они были счастливы, ведь так? Не поэтому ли он снова поселился здесь? Чтобы осуществить неосознанное желание что-то вновь обрести? Или чтобы понять, где все пошло не так, и починить свою жизнь?

Турд Шульц увидел приближающийся автомобиль и машинально взглянул на часы. Занес в бортовой журнал, что они опоздали на восемнадцать минут.

Он подошел к столу в гостиной. Глубоко вдохнул два раза. Потом приставил свернутую тысячекроновую купюру к концу дорожки, наклонился и втянул в себя порошок. Слизистую обожгло. Он лизнул кончик пальца, провел им по оставшейся дорожке и втер порошок в десны. Вкус был горьким. Раздался звонок в дверь.

Приехали те же два мормона, что и обычно. Один маленький, второй высокий, оба в костюмах для воскресной школы. Но на руках у обоих виднелись татуировки. Эта парочка выглядела почти комично. Они передали ему пакет. Полкило вещества в длинном пакете, который прекрасно помещался под металлическим креплением выдвижной ручки его чемодана. Турд Шульц должен достать пакет после приземления в Суваннапхуме и положить его под незакрепленный коврик в шкафчике пилота в кабине. В этот момент он увидит пакет в последний раз, дальше уже дело за наземными службами.

Когда Мистер Маленький и Мистер Большой предложили возить пакеты в Бангкок, это показалось ему полным идиотизмом. В мире не найти такого места, где уличные цены на дурь были бы выше, чем в Осло, так зачем же экспортировать? Он не стал спрашивать, зная, что не получит ответа, ну и ладно. Но он объяснил им, что за контрабанду героина в Таиланде полагается смертная казнь, поэтому он требует увеличения гонорара.

Они рассмеялись. Сначала маленький, потом высокий. И Турд подумал, что более короткое расстояние между нервными клетками, вполне возможно, вызывает более быструю реакцию. Наверное, и кабины истребителей такие низкие для того, чтобы в них не помещались длинные туповатые пилоты. Коротышка объяснил Турду на своем жестком английском с русским акцентом, что это не героин, а нечто совершенно новое, настолько

новое, что против него даже нет законов. Но когда Турд Шульц поинтересовался, зачем они занимаются контрабандой незапрещенного вещества, они рассмеялись еще громче и попросили его заткнуться и ответить «да» или «нет».

Турд Шульц ответил «да». И одновременно к нему пришла другая мысль: какие последствия возымел бы его отказ?

Это случилось шесть рейсов назад.

Турд Шульц посмотрел на пакет. Пару раз ему приходила в голову мысль смазать жидким мылом презервативы и мешки для замораживания, которыми они пользовались для упаковки, но кто-то сказал ему, что собаки, натренированные на поиск наркотиков, умеют разделять запахи и таким простым трюком их не обманешь. Что все дело в плотности пластиковой упаковки.

Он ждал. Ничего не происходило. Он кашлянул.

– Oh, I almost forgot, – сказал Мистер Маленький – Yesterday’s delivery...^[7]

Злобно ухмыляясь, он полез во внутренний карман пиджака. А может, ухмылка его не была злобной, просто это такой юмор восточного блока? Турду захотелось ударить его, выдохнуть ему в лицо дым от сигареты без фильтра, выплюнуть ему в глаза виски двенадцатилетней выдержки. В общем, проявить юмор западного блока. Вместо всего этого он взял конверт и промямлил «спасибо». Конверт казался совсем тонким. В нем должны были лежать крупные купюры.

Потом Турд Шульц снова подошел к окну и проследил за тем, как автомобиль исчезает в темноте. Звук отъезжающего автомобиля был заглушен ревом «Боинга-737». Наверное, это 600-я модель. В любом случае машина нового поколения. С более низким звуком двигателей, способная подниматься выше, чем старые классические модели. Он увидел собственное отражение в оконном стекле.

Да, он взял. И будет продолжать брать. Брать все, что жизнь будет швырять ему в морду. Потому что он не был Дональдом Дрейпером. И не был ни Чаком Йегером, ни Нилом Армстронгом. Он был всего лишь Турд Шульц, долговязый шофер с долгами. И проблемой с кокаином. Ему надо бы...

Эти мысли заглушил следующий самолет.

Адовы церковные колокола! Ты их видишь, папа, этих так называемых ближайших родственников, уже собравшихся у моего гроба? Они обливают меня крокодиловыми слезами, эти грустные хари говорят: «Густо, почему ты так и не смог научиться быть такими же, как мы?» Нет, гнусные самодовольные лицемеры, я не смог! Я не смог стать таким же, как моя приемная мать: пустоголовым, изнеженным, твердо уверенным, что все будет хорошо, стоит только прочитать правильную книжку, послушать правильного гуру и поесть долбанные правильные травки. И если кому-нибудь удавалось пробить брешь в той условной мудрости, которой она поднабралась, она всегда разыгрывала одну и ту же карту: «Но посмотри, каким мы сделали окружающий мир: кругом войны и несправедливость, а люди не могут жить в естественной гармонии с собой». Запомни три вещи, бейби. Первая: естественное – это война, несправедливость и дисгармония. Вторая: ты – это самое негармоничное существо в нашей маленькой мерзкой семейке. Ты хотела любить того, кто отверг тебя, и наплевала на тех, кто был рядом с тобой. Sorry^[8], Рольф, Стейн и Ирена, но в ее жизни было место только для меня. Что делает пункт третий еще более забавным: я никогда не любил тебя, бейби, сколько бы ты ни считала, что достойна моей любви. Я называл тебя мамой, потому что тебе это нравилось, а мне облегчало жизнь. Я сделал то,

что сделала, потому что ты мне позволила, потому что я не мог этого не сделать. Потому что я такой, какой есть.

Рольф. Ты хотя бы не просил называть тебя папой. Ты на самом деле пытался полюбить меня. Но природу не обманешь, и ты понимал, что свою плоть и кровь – Стейна и Ирену – любишь больше. Когда я рассказывал другим людям, что вы – мои «приемные родители», я видел выражение боли на мамином лице и ненависти – на твоём. Не потому, что звание «приемные родители» низводило вас до единственной функции, какую вы исполнили в моей жизни, но потому, что эти слова ранили женщину, которую ты, как ни странно, любил. Думаю, ты был достаточно честен для того, чтобы увидеть себя таким, каким тебя видел я: человеком, который в один прекрасный момент опьянел от собственного идеализма и решил выкормить подкидыша, но скоро понял, что бюджет ушел в минус. Что ежемесячное пособие, которое тебе платят за присмотр за мной, не покрывает фактических расходов. Что я – кукушонок. Что я сожрал все. Все, что ты любил. Всех, кого ты любил. Ты должен был понять это раньше и выкинуть меня из гнезда, Рольф! Ты первым обнаружил, что я ворую. Сначала это была всего лишь сотня. Я отнекивался. Сказал, что ее мне дала мама. «Правда ведь, мама? Это ты мне дала». А «мама» медленно кивала со слезами на глазах и говорила, что она, наверное, об этом забыла. В следующий раз я украл тысячу крон из ящика твоего письменного стола. Деньги, отложенные на наш отпуск, как ты сказал. «Отпуск мне нужен только от вас», – ответил я. И тогда ты впервые ударил меня. Казалось, в тебе что-то оборвалось, потому что ты бил и бил и не мог остановиться. Я был уже выше тебя и шире в плечах, но я никогда не умел драться. Драться как ты, кулаками и мускулами. Я дрался другим способом, более выигрышным. А ты бил и бил кулаками. И я понял почему. Ты хотел изуродовать мое лицо. Отнять у меня мою власть. Но женщина, которую я называл мамой, пришла и встала между нами. И тогда ты произнес слово «вор». Это было правдой. Но это означало, что я должен сломать тебя, малыш.

Стейн. Молчаливый старший брат. Первый, кто потрогал перья кукушонка, но у кого хватило ума держаться от него подальше. Умный, способный, одаренный одиночка, он при первой возможности уехал учиться подальше от дома. И пытался уговорить Ирену, свою дражайшую младшую сестричку, уехать вместе с ним. Он считал, что она вполне сможет доучиться в этом чертовом Тронхейме, что ей будет лучше, если она уедет из Осло. Но мама отказалась отпустить Ирену. Она ведь ничего не знала. Не хотела знать.

Ирена. Красивая, очаровательная, веснушчатая, нежная Ирена. Ты была слишком хороша для этого мира. Ты была всем тем, чем не был я. И все же ты меня любила. Любила бы ты меня, если бы знала? Любила бы ты меня, если бы знала, что я с пятнадцати лет трахал твою мать? Трахал твою бухую стонущую мать, трахал ее сзади, прислонив к двери сортира, или двери подвала, или двери кухни, шепча ей в ухо «мама», потому что это возбуждало и ее, и меня? Она давала мне деньги, она прикрывала меня, когда было надо, она говорила, что просто одалживает мне до тех пор, пока не станет старой и страшной, а я не встречу милую девушку. А когда я ответил: «Но, мама, ты уже и так старая и страшная», – она только рассмеялась, умоляя меня взять ее еще раз.

В тот день, когда я позвонил приемному отцу на работу и попросил прийти домой в три часа, потому что мне надо рассказать ему кое-что очень важное, у меня на лице еще не прошли синяки от его ударов. Я оставил входную дверь приоткрытой, чтобы она не услышала, как он придет. И я шептал что-то ей в ухо, чтобы заглушить звук его шагов,

шептал то, что ей нравилось слушать.

Я увидел его отражение в окне кухни. Он стоял у двери.

Он съехал из дома на следующий день. Ирене и Стейну сообщили, что у мамы с папой в последнее время были проблемы и поэтому они решили какое-то время пожить раздельно. Ирена была совершенно разбита. Стейн жил в своем студенческом городке и не отвечал на звонки, но прислал эсэмэску: «Грустно. Куда мне приехать на Рождество?»

А Ирена плакала и плакала. Она любила меня. Естественно, она начала меня искать. Искать Вора.

Церковные колокола бьют в пятый раз. Плач и всхлипывания на церковных скамьях. Кокаин, огромный аванс. Сними квартиру в одном из центральных западных районов, зарегистрируй ее на какого-нибудь торчка, который за дозу позволит тебе воспользоваться своим именем, и продавай малыми дозами на лестнице или во дворе, поднимай потихоньку цены по мере того, как они станут чувствовать себя в безопасности, любители коки за безопасность отвалят сколько скажешь. Поднимайся, выдвигайся, сокращай потребление, стань кем-то. Не подыхай в притоне, как долбаный неудачник. Священник покашливает: «Мы собрались здесь, чтобы вспомнить Густо Ханссена».

Голос из задних рядов: «В-в-вора».

Это говорит заика Туту, сидящий там в своей байкерской куртке и бандане. А позади него слышен собачий скулеж. Руфус. Добрый преданный Руфус. Вы вернулись? Или это я прибыл к месту назначения?

Турд Шульц положил свой «Самсонайт» на крутящуюся ленту, и тот уехал на просвечивание в аппарат, рядом с которым стоял улыбающийся сотрудник службы безопасности.

– Не понимаю, как ты разрешаешь им гонять тебя по такому графику, – сказала стюардесса. – В Бангкок два раза в неделю!

– Я сам попросил, – возразил Турд, проходя через рамку.

Кто-то в профсоюзе предложил начать забастовку против того, что экипажи по несколько раз в день подвергаются облучению, так как одно исследование, проведенное в США, показало, что процент умирающих от рака среди пилотов и членов экипажей воздушных судов выше, чем у остального населения. Но любители стачек не упомянули, что и продолжительность жизни у них больше. Летчики умирали от рака, потому что больше им, в общем-то, не от чего было умирать. Они проживали самую безопасную жизнь в мире. Самую скучную в мире жизнь.

– Хочешь так много летать?

– Я же летчик, мне нравится летать, – соврал Турд, снял с ленты чемодан, выдвинул ручку и пошел.

Стюардесса быстро оказалась рядом с ним, цоканье ее каблучков по выполненному под старину мраморному полу аэропорта Осло почти заглушал гул голосов, разносившийся под переплетением деревянных и стальных балок. Но к сожалению, он не заглушил произнесенного шепотом вопроса:

– Это потому, что она ушла от тебя, Турд? Потому, что у тебя слишком много времени, которое нечем заполнить? Потому, что у тебя нет сил сидеть дома и...

– Это потому, что я хочу заработать побольше сверхурочных, – прервал он ее.

По крайней мере, такой ответ был отчасти правдивым.

– Я ведь очень хорошо представляю, каково тебе. Я развелась зимой, ты же знаешь.

– Конечно, – откликнулся Турд, хотя понятия не имел, что она была замужем.

Он окинул ее беглым взглядом. Пятьдесят? Господи, как же она выглядит по утрам, без макияжа и автозагара. Увядаящая стюардесса с увядающей мечтой. Он был совершенно уверен, что никогда не трахал ее. По крайней мере, лицом к лицу. Кто же любил так шутить? Кто-то из старых пилотов. «Виски со льдом, синее небо в глазах – это пилот истребителя...» Один из тех, кто успел выйти на пенсию до крушения пилотского статуса. Они свернули в коридор, ведущий к комнате предполетной подготовки экипажей, и Турд Шульц ускорил шаг. Она старалась не отставать от него, хотя уже начала задыхаться. Но если он не станет сбавлять скорость, то, возможно, ей не хватит дыхания на разговоры.

– Слушай, Турд, раз уж мы ночуем в Бангкоке, может, нам...

Он громко зевнул. И скорее почувствовал, чем увидел, что она обиделась. После вчерашнего вечера он испытывал легкое похмелье: после ухода мормонов была еще водка и еще порошок. Естественно, он выпил не так много, чтобы не пройти тест на алкоголь, но достаточно для того, чтобы начать страшиться борьбы со сном на протяжении одиннадцати часов полета.

– Смотри-ка! – воскликнула стюардесса тем идиотским сюсюкающим тоном, каким женщины обычно пользуются, когда видят что-то невероятно трогательное.

Турд Шульц посмотрел. Она шла по направлению к ним. Маленькая собака со светлой шерстью, длинными ушами, грустными глазами и виляющим хвостом. Спрингер-спаниель. Собаку вела такая же светловолосая женщина с большими сережками, отрешенной извиняющейся полуулыбкой на лице и мягкими карими глазами.

– Ну разве не прелесть? – проворковала стюардесса.

– Да, – ответил Турд со сталью в голосе.

Проходя мимо идущего впереди них пилота, собака подняла мордочку и обнюхала его пах. Он обернулся к Турду и стюардессе, поднял бровь и усмехнулся по-мальчишески, немного нагло. Но Турд не понял ход его мыслей. Не в состоянии был понять ход ничьих мыслей, кроме собственных.

Собаке сшили маленькую желтую жилетку. Таковую же жилетку, что была на женщине с большими сережками. На жилетках было написано: «ТАМОЖНЯ. CUSTOMS».

Собака приближалась, до нее оставалось всего мет ров пять. Проблем не должно было возникнуть. Не могло возникнуть проблем. Дурь была упакована в презервативы и обернута двойным слоем пакетов для заморозки. Из пакета не могла вырваться ни одна молекула. Так что просто улыбайся. Расслабься и улыбайся. Не слишком много, но в меру. Турд повернулся к воркующей рядом с ним стюардессе, как будто ему требовалось хорошо сконцентрироваться, чтобы понять изрекаемые ею слова.

– Извините.

Они уже прошли мимо собаки, и Турд не остановился.

– Извините! – Голос прозвучал резче.

Турд смотрел прямо перед собой. До двери в комнату предполетной подготовки экипажей оставалось всего метров десять. Безопасность. Десять шагов. Home free^[9].

– Excuse me, sir!^[10]

Семь шагов.

– Кажется, она обращается к тебе, Турд.

– Что?

Турд остановился. Ему пришлось остановиться. Он обернулся, надеясь, что удивление, написанное на его лице, не выглядит напускным. Женщина в желтом жилете подошла к ним.

– Собака выделила вас.

– Да?

Турд посмотрел на собаку и подумал: как? Собака глядела на него, бешено виляя хвостом, будто принимала Турда за своего нового товарища по играм.

Как? Двойной слой мешка для заморозки и презервативы. Как?

– Это означает, что мне придется досмотреть вас. Пройдемте с нами.

В ее карих глазах по-прежнему присутствовала мягкость, но интонация была отнюдь не просительной. И в тот же миг Турд понял как. Он схватился за удостоверение на нагрудном кармане.

Кокаин.

Он забыл протереть удостоверение, после того как приготовил последнюю дорожку. Наверное, собака это учуяла.

Но тогда речь идет всего о нескольких крупинках, и он легко оправдывается, сказав, что брал удостоверение с собой, когда ходил на праздник. Не это было сейчас главной его проблемой. Чемодан. Его будут досматривать. Как пилота, Турда Шульца тренировали выполнять необходимые процедуры так часто, что он способен был действовать почти автоматически. Чтобы, даже находясь во власти паники, он мог делать именно то, что нужно; чтобы именно это вспоминал мозг в отсутствие другой информации. Сколько раз он представлял себе подобную ситуацию: таможенник просит его пройти на досмотр. Сколько раз думал, что ему делать, прокручивал в мозгу свои действия. Он повернулся к стюардессе и огорченно улыбнулся, успев бросить быстрый взгляд на табличку с ее именем:

– Меня выделили, Кристин. Возьмешь с собой мой чемодан?

– Чемодан поедет с нами, – сказала таможенница.

Турд Шульц повернулся к ней:

– Кажется, вы сказали, что собака пометила меня, а не чемодан?

– Да, но...

– В чемодане находятся бумаги по предстоящему полету, и другие члены экипажа должны успеть их просмотреть. Разве только вы возьмете на себя ответственность за задержку забитого под завязку «Аэробуса-340», следующего в Бангкок. – Он почувствовал, как раздулся в самом прямом смысле слова. Легкие его наполнились воздухом, и грудная мускулатура проступила под форменным пиджаком. – Если мы пропустим свою очередь на взлет, это будет означать несколько часов задержки и огромные материальные потери для авиакомпании.

– Боюсь, что правила...

– Триста сорок два пассажира, – оборвал ее Шульц, – многие из которых – дети.

Он надеялся, что в его голосе она услышит серьезную озабоченность капитана, а не нарастающую панику наркокурьера. Таможенница погладила собаку по голове и посмотрела на него.

Она выглядит как домохозяйка, подумал он. Женщина, обремененная детьми и ответственностью. Женщина, которая должна войти в его положение.

– Чемодан мы возьмем с собой, – сказала она.

Позади нее показался еще один таможенник. Он стоял, широко расставив ноги и скрестив руки на груди.

– Ладно, давайте уже скорее, – вздохнул Турд.

Начальник отдела по расследованию убийств Полицейского управления Осло Гуннар Хаген откинулся на спинку кресла и внимательно посмотрел на мужчину в льняном костюме. Три года назад зашитая рана на его лице была темно-бордовой, а сам он казался совершенно сломленным. Но сейчас бывший подчиненный Хагена выглядел здоровым, он набрал пару крайне необходимых килограммов, а плечи его расправились и заполнили пиджак костюма. Костюм. Хаген помнил, что его подчиненный носил джинсы и ботинки, и ничего другого. Так же непривычно было видеть бедж с надписью «Харри Холле» на отвороте пиджака, свидетельствующий о том, что его гость – посетитель, а не сотрудник.

Но этот гость расположился на стуле в своей обычной позе: скорее лежа, чем сидя.

– Ты выглядишь лучше, – сказал Хаген.

– Твой город тоже, – ответил Харри, пожевывая незажженную сигарету.

– Думаешь?

– Красивый Оперный театр. Немного меньше торчков на улицах.

Хаген поднялся и подошел к окну. С шестого этажа здания Полицейского управления он видел новый городской район Осло – Бьёрвику, купающуюся в лучах солнца. Строительство шло полным ходом. Снос старого завершился.

– В последние годы значительно снизилось количество умерших от передоза. Цены взлетели, потребление упало. Городские власти получили то, о чем просили. Осло больше не самый героиновый город в Европе.

– «Happy days are here again»^[11].

Харри сложил руки за головой и вытянулся так, что чуть не соскользнул со стула.

Хаген вздохнул:

– Ты не сказал мне, что привело тебя в Осло, Харри.

– Разве не сказал?

– Нет. А если точнее, что привело тебя сюда, в убойный отдел.

– Разве не принято навещать бывших коллег?

– Да, у других, нормальных, социально адаптированных людей.

– Хорошо. – Харри прикусил фильтр «Кэмела». – Моя профессия – убийство.

– Ты хочешь сказать, твоей профессией *было* убийство?

– Давай я сформулирую по-другому: моя профессия, моя специальность – убийство. И это по-прежнему единственное, в чем я разбираюсь.

– И чего ты хочешь?

– Работать по специальности. Расследовать убийства.

Хаген поднял бровь:

– Ты снова хочешь работать у меня?

– Почему бы и нет? Если я правильно помню, я был одним из лучших.

– Неправильно, – возразил Хаген и снова отвернулся к окну. – Ты был лучшим. – И добавил более тихим голосом: – Худшим и лучшим.

– Я бы взялся за какое-нибудь убийство в наркосреде.

Хаген сухо усмехнулся:

– Какое из них? У нас их было четыре только за последние полгода. И ни по одному мы не продвинулись.

– Убийство Густо Ханссена.

Хаген не ответил, продолжая изучать людей, ползающих там, внизу, по газону. В голове у него автоматически возникали ассоциации. Мошенники со страховками. Воры. Террористы. Почему он видел именно их, а не честных тружеников, которым выпало счастье во время заслуженного отдыха понежиться пару часов на сентябрьском солнце? Полицейский взгляд. Полицейская слепота. Он рассеянно слушал голос Харри, звучавший у него за спиной:

– Густо Ханссен, девятнадцати лет. Знаком полиции как наркодилер и торчок. Двенадцатого июля найден мертвым в квартире на улице Хаусманна. Умер от кровопотери, получив пулю в грудь.

Хаген невесело рассмеялся:

– Почему ты хочешь взяться за единственное раскрытое дело?

– Думаю, тебе это известно.

– Да, известно, – вздохнул Хаген. – Но если бы я снова взял тебя на работу, я бы дал тебе другое дело. Дело полицейского агента.

– Я хочу то дело.

– Существует, если округлить, около ста причин, по которым ты никогда не получишь этого дела, Харри.

– Например?

Хаген повернулся к Харри:

– Достаточно упомянуть первую. Это дело раскрыто.

– И что дальше?

– Это дело ведем не мы, а Крипос^[12]. У меня нет вакансий, у нас идут сокращения. На тебя нельзя положиться. Мне продолжать?

– Ммм. Где он?

Хаген молча указал на каменное здание на другой стороне лужайки, за пожелтевшими кленами.

– В Бутсене, – сказал Харри. – В следственном изоляторе.

– Пока там.

– Посещения запрещены?

– Кто выследил тебя в Гонконге и рассказал об этом деле? Уж не...

– Нет, – отрезал Харри.

– Ну так?

– Вот так.

– Кто?

– Может, в Интернете прочитал.

– Это вряд ли, – сказал Хаген с легкой улыбкой и непроницаемым взглядом. – Информация об этом деле появилась в газетах всего один раз, после чего оно было забыто. В статьях не упоминалось никаких имен. Там просто говорилось, что один торчок под кайфом пристрелил другого из-за дозы. Подобные случаи мало кому интересны. Это дело было совсем непримечательным.

– Примечательно только то, что речь шла о двух подростках, – сказал Харри. – Девятнадцати лет и восемнадцати.

Голос его изменился. Хаген пожал плечами:

– Достаточно взрослые, чтобы убивать, достаточно взрослые, чтобы умирать. В следующем году их бы призвали в армию.

– Можешь устроить мне свидание с ним?

– Кто твой информатор, Харри?

Харри почесал в затылке.

– Приятель из криминалистического.

Хаген улыбнулся. И на этот раз глаза его тоже улыбались.

– Ты просто миляга, Харри. Насколько я знаю, у тебя в полиции всего три друга. Бьёрн Хольм из криминалистического. И Беата Лённ из криминалистического. Кто из них?

– Беата. Ну что, устроишь свидание?

Хаген уселся на край письменного стола и посмотрел на Харри. Потом бросил взгляд на телефонный аппарат.

– При одном условии, Харри. Ты пообещаешь держаться на расстоянии многих десятков километров от этого дела. Между нами и Крипосом сейчас царит мир и согласие, и я не хочу никаких ссор с ними.

Харри кисло улыбнулся. Он так низко съехал со стула, что мог видеть пряжку своего ремня.

– Значит, вы теперь закадычные друзья с королем Крипоса?

– Микаэль Бельман больше не работает в Крипосе, – ответил Хаген. – И как следствие – мир и согласие.

– Крипос избавился от психопата? «Happy days...»

– Да нет, – глухо рассмеялся Хаген. – Бельман никогда не был так близко к нам. Он в этом здании.

– Вот черт! Он в убойном?

– Боже упаси. Он уже больше года руководит Оргкримом.

– У вас, я смотрю, появились новые сокращения.

– Организованная преступность. Объединили несколько старых отделов: грабежи, траффик, наркотики. Теперь всем этим занимается Оргкрим. Более двухсот сотрудников. Это самый большой отдел криминальной полиции.

– Мм. Теперь у него больше подчиненных, чем было в Крипосе.

– Тем не менее в зарплате он потерял. А ты ведь понимаешь, что значит, когда человек вроде него соглашается на хуже оплачиваемую работу.

– Хочет получить больше власти, – ответил Харри.

– Его наградили за вклад в борьбу с наркотиками, Харри. Отлично организованное наблюдение. Аресты и рейды. Банд стало меньше, внутренние войны кончились. Количество смертей от передоза, как я уже говорил, уменьшается... – Хаген поднял вверх указательный палец. – А Бельман возвеличивается. Парень метит на хорошие места, Харри.

– Я тоже, – сказал тот и поднялся. – На Бутсен. Надеюсь, разрешение на посещение к моему приходу уже будет у дежурного.

– Значит, мы договорились?

– Конечно, – кивнул Харри, дважды встряхнул протянутую руку бывшего шефа и направился к двери.

В Гонконге он прошел отличную школу вранья. Он услышал, как Хаген снял телефонную трубку, но, подойдя к выходу из кабинета, все же обернулся:

– И кто третий?

– Что? – Хаген, не отрывая взгляда от телефонного аппарата, нажимал клавиши толстым указательным пальцем.

– Кто мой третий друг здесь?

Начальник отдела Гуннар Хаген прижал телефонную трубку к уху, устало посмотрел на Харри и со вздохом произнес:

– А сам как думаешь? – И затем: – Алло? Это Хаген. Мне нужно разрешение на посещение подследственного. Да? – Хаген прикрыл трубку ладонью: – Все будет хорошо. У них сейчас обед, так что подходи к двенадцати.

Харри улыбнулся, пробормотал «спасибо» и тихо закрыл за собой дверь.

В досмотровой комнате Турд Шульц застегивал брюки и надевал пиджак. Все отверстия его тела было решено не изучать. Таможенница – та же самая, что остановила его, – ждала перед досмотровой. Вид у нее был как у экзаменатора, только что принявшего устный экзамен у последнего студента.

– Спасибо за сотрудничество, – сказала она, жестом указывая ему на дверь.

Турд предполагал, что они долго спорили, извиняться или нет каждый раз, когда наркособачка кого-нибудь выделит, а наркотиков не найдут. Остановленный, задержанный, попавший под подозрение, поставленный в затруднительное положение человек, без сомнения, не возражал бы против извинений. Но надо ли извиняться за то, что таможенники делают свою работу? Собаки постоянно выделяли людей, у которых не было наркотиков, и извинения, таким образом, стали бы в какой-то степени признанием несовершенства процедуры, сбоя в системе. С другой стороны, они должны были понять по лычкам, что он капитан. Что у него не три лычки, что он не относится к пятидесятилетним неудачникам, так и не выбравшимся по собственной вине из правого штурманского кресла. Нет, у него было четыре лычки, свидетельствовавшие о том, что у него все в порядке и под контролем, что он владеет ситуацией и отвечает за собственную жизнь. Они должны были знать, что он принадлежит к аэропортовой касте брахманов. Капитану воздушного судна таможенник с двумя полосками обязан был принести извинения, к месту это было или не к месту.

– Да что там, теперь мы знаем, что вы следите за этим, – сказал Турд и поискал взглядом чемодан.

Скорее всего, они просто порылись в нем, потому что собака его не выделила. И металлические крепления вокруг полости, где лежал пакет, в любом случае не просвечивались.

– Он скоро будет, – сказала таможенница.

Пару секунд они молча смотрели друг на друга.

Разведена, подумал Турд.

В этот миг вошел второй таможенник.

– Ваш чемодан... – начал он.

Турд взглянул на него и все прочитал в его взгляде. Он почувствовал, как в животе свернулся комок и начал подниматься по пищеводу. Как? Как?

– Мы вынули все, что у вас лежало в чемодане, и взвесили его, – объяснил таможенник. – Пустой двадцатидюймовый чемодан «Самсонит Аспайр ГРТ» весит пять килограммов восемьсот граммов. Ваш весит шесть триста. Можете объяснить почему?

Таможенник был слишком большим профессионалом, чтобы открыто улыбаться, но Турд Шульц все же заметил триумф в его взгляде. Таможенник наклонился к нему и сказал, понизив голос:

– Или мы...

Харри вышел на улицу, перекусив в «Олимпе». В этом старом питейном заведении не самого высокого пошиба, каким он его помнил, сделали дорогой ремонт и превратили его в ресторан элитного западного Осло, стилизованный под заведение восточного рабочего района, с огромными картинами, на которых были изображены те самые старые районы. Не то чтобы место со всеми этими люстрами ему не понравилось. И макрель была очень даже неплохо приготовлена. Только вот... Это был не «Олимп».

Харри прикурил сигарету и направился в Бутс-парк, отделяющий Полицейское управление от старых серых стен следственного изолятора. Он прошел мимо человека, прикреплявшего рваный красный плакат к столетним охраняемым липам при помощи степлера. Казалось, тот не осознавал, что совершает серьезное правонарушение прямо перед окнами здания, в котором располагалось крупнейшее подразделение полиции Норвегии. Харри на минутку остановился. Не для того, чтобы пресечь правонарушение, а для того, чтобы прочесть плакат. Это была реклама концерта группы «Russian Amcar Club» в клубе «Сардины». Харри вспомнил давно не существующую группу и давно закрытый клуб. «Олимп». Харри Холе. Да уж, нынешний год смело можно назвать годом воскрешения мертвых. Он уже собирался идти дальше, как вдруг услышал позади себя дрожащий голос:

– «Скрипочки» не найдется?

Харри обернулся. Мужчина был одет в новую чистую куртку «G-Star». Он клонился вперед, как будто в спину ему дул сильный ветер, и сгибал колени так, что не могло быть сомнений: он – героиновый наркоман. Харри уже собирался ответить, как вдруг понял, что мужчина обращается к человеку, вешающему плакат. Но тот, не проронив ни слова, просто ушел. Новые аббревиатуры, новая терминология в наркосреде. Старые группы, старые клубы.

Фасад следственного изолятора Осло, в народе известного как Бутсен, был построен в середине XIX века и состоял из входа, втиснутого между двумя крыльями, что всегда наводило Харри на мысль об арес танте, идущим между двумя конвоирами. Он позвонил у входа, взглянул на видеокамеру, услышал тихое жужжание и открыл дверь. Внутри его встретил надзиратель в форме, который провел его по лестницам и через двери, охранявшиеся двумя другими надзирателями, в продолговатую комнату без окон. Харри бывал здесь раньше. Тут заключенные встречались со своими близкими родственниками. Чувствовалось, что администрация изолятора предприняла попытку, хотя и не слишком удачную, создать в комнате атмосферу уюта. Хорошо зная, что здесь происходит, когда к подследственным приходят жены или подружки, Харри обошел диван подальше и уселся на стул.

Он ждал. Обнаружив, что к его пиджаку все еще приклеен бедж посетителя Полицейского управления, он отодрал его и убрал в карман. Сон об узком коридоре и снежной лавине был хуже, чем обычно, его завалило и забило рот снегом. Но сердце его колотилось не от этого. От предвкушения? Или от страха?

Он не успел понять, потому что дверь открылась.

– Двадцать минут, – произнес надзиратель и с шумом задвинул засов.

Парнишка, оставшийся стоять по эту сторону двери, очень изменился, и Харри чуть было не крикнул, что ему привели не того подследственного, что это не тот. На парнишке были джинсы фирмы «Дизель» и черная кенгурушка с надписью «Machine Head», что, как догадался Харри, было не названием старой пластинки «Deep Purple», а рекламой новой хеви-метал-группы. Хеви-метал был, конечно, уликой, но доказательством служили глаза и скулы. Почти страшно было видеть, как похожи они стали. Впрочем, парнишка не

унаследовал красоту матери. Слишком выпуклый лоб придавал его лицу угрюмое, почти агрессивное выражение, что еще больше подчеркивалось гладкой челкой, по-видимому унаследованной от его московского отца. Отца-алкоголика, которого мальчишка толком и не знал, ведь он был совсем маленьким, когда Ракель привезла его в Осло, где немного позже встретила Харри.

Ракель.

Большая любовь его жизни. Вот так просто. И так сложно.

Олег. Умный, серьезный Олег. Олег, который всегда был таким замкнутым, который никому не открывал свою душу, кроме Харри. Харри никогда не рассказывал об этом Ракели, но он знал больше ее о том, что Олег думает, чувствует и хочет. Вот они с Олегом играют в «Тетрис» на его приставке, и каждый мечтает набрать больше очков, чем соперник. А вот они на конькобежной тренировке на стадионе «Валле Ховин» в те времена, когда Олег собирался стать стайером и, кстати, имел все задатки для этого. Олег, который улыбается терпеливой снисходительной улыбкой каждый раз, когда Харри обещает, что осенью или весной они поедут в Лондон и посмотрят матч «Тоттенхэма» на стадионе «Уайт Харт Лейн». Олег, который время от времени называет его папой, потому что уже поздно, ему хочется спать и он теряет контроль над ситуацией. В последний раз Харри видел его почти пять лет назад. Пять лет назад Ракель увезла его из Осло, подальше от страшных воспоминаний о Снеговике, подальше от мира насилия и убийств, в котором жил Харри.

А теперь Олег стоит здесь, у двери, ему восемнадцать, и он уже почти взрослый. И он смотрит на Харри без всякого выражения. Во всяком случае, Харри не понимает, что выражает его лицо.

– Привет, – произнес Харри.

Черт, он не прочистил горло, и у него получился только хриплый шепот. Парень может подумать, что он вот-вот расплачется или что-то в этом духе. Словно для того, чтобы отвлечь себя самого или Олега, Харри достал пачку «Кэмела» и взял в рот сигарету.

Он поднял глаза и увидел, что лицо Олега залила красная краска. И злоба. Та взрывная злоба, которая неожиданно завладевает человеком, из-за которой глаза застилает пеленой, а вены на шее и лбу вздуваются и напрягаются, как гитарные струны.

– Расслабься, я не буду прикуривать, – сказал Харри, кивнув на табличку, запрещающую курение в комнате для свиданий.

– Это мама, да?

Голос тоже возмужал. И в нем сквозила ярость.

– Что «мама»?

– Это мама тебя вызвала.

– Да нет, я...

– Конечно да.

– Нет, Олег, вообще-то она даже не знает, что я в Норвегии.

– Врешь! Как всегда, врешь!

Харри удивленно посмотрел на него:

– Как всегда?

– Как когда ты врал, что всегда будешь с нами и все такое. Но теперь уже слишком поздно. Так что иди-ка ты обратно... иди ты на хрен!

– Олег, послушай...

– Нет! Я не хочу тебя слушать. Тебе незачем было сюда приходить! Ты не можешь вот так

просто прийти поиграть в моего папу, понимаешь?

Мальчишка с трудом сглотнул. Ярость во взгляде постепенно утихала, но вдруг накатила новая волна.

– Ты нам больше никто. Ты захаживал к нам несколько лет, а потом... – Олег попытался щелкнуть пальцами, но пальцы скользнули друг по другу, не издав ни звука. – Исчез.

– Это неправда, Олег. И ты это знаешь.

На этот раз голос Харри прозвучал твердо и уверенно, свидетельствуя о том, что он спокоен и надежен, как авианосец. Но ком в горле говорил о другом. Харри привык слушать, как его ругают на допросах, он просто не обращал на это внимания, а в лучшем случае становился только спокойнее и рассудительнее. Но с этим мальчишкой, с Олегом... против этого у него не было защиты.

Олег горько рассмеялся:

– Проверим, действует ли еще? – Он прижал средний палец к большому. – Исчезни... немедленно!

Харри поднял руки.

– Олег...

Олег покачал головой и постучал в дверь позади себя, не сводя с Харри черного, как ночь, взгляда.

– Надзиратель! Свидание окончено. Заберите меня отсюда!

После того как Олег ушел, Харри еще какое-то время сидел. Потом тяжело поднялся и побрел в солнечный свет, заливающий Бутс-парк.

Он остановился, глядя на Полицейское управление. Подумал. И пошел к той части здания, где принимали задержанных. Но на полпути остановился, привалился спиной к дереву и зажмурился так плотно, что почувствовал, как из глаз потекла жидкость. Чертов свет. Чертов другой часовой пояс.

– Я только посмотрю на них, я не буду ничего трогать, – пообещал Харри.

Дежурный в приемнике задержанных с сомнением посмотрел на него.

– Да ладно, Туре, ты же меня знаешь.

Нильсен кашлянул:

– Знаю. А ты что, снова здесь работаешь, Харри?

Харри пожал плечами.

Нильсен склонил голову набок и прикрыл глаза, так что видны остались только половинки зрачков. Как будто он хотел просеять визуальные впечатления. Отсеять несущественное. Оставшееся, очевидно, было истолковано в пользу Харри.

Нильсен тяжело вздохнул, ушел и вернулся с ящиком. Как и рассчитывал Харри, вещи, найденные у Олега во время задержания, хранились там, где его приняли. Когда становилось понятным, что задержанный проведет в заключении более двух дней, его переводили в Бутсен, но его вещи не всегда пересылались в приемник корпуса Д.

Харри изучил содержимое. Монетки. Брелок с двумя ключами, черепом и эмблемой группы «Slayer». Швейцарский армейский нож с одним лезвием и множеством отверток и приспособлений. Одноразовая зажигалка. И еще одна вещь.

У Харри внутри все опустилось, хотя он уже это знал. Газеты называли случившееся «разборкой в наркосреде».

Одноразовый шприц, все еще в пластиковой упаковке.

– Это все? – спросил Харри и взял связку ключей.

Он внимательно изучил ее, держа внизу под стойкой. Нильсену, естественно, не понравилось, что ключи пропали из поля его зрения, и он наклонился вперед.

– Бумажника не было? – задал Харри вопрос. – Или банковской карты? Или удостоверения личности?

– Вроде бы нет.

– Можешь проверить список изъятого?

Нильсен достал листок, лежащий в свернутом виде на дне ящика, медленно надел очки и посмотрел на бумагу.

– Был изъят мобильный телефон, но его забрали. Наверное, чтобы проверить, звонил ли он жертве.

– Ммм, – ответил Харри. – Что еще?

– Чего тебе еще? – пробормотал Нильсен, скользя глазами по бланку. Просмотрев весь документ, он заключил: – Нет, точно.

– Спасибо, это все, что я хотел знать. Спасибо за помощь, Нильсен.

Нильсен задумчиво кивнул, не снимая очков.

– Ключи.

– Да, конечно.

Харри положил связку обратно в ящик. Увидел, что Нильсен проверил, по-прежнему ли на ней два ключа.

Харри вышел на воздух, пересек парковку и, оказавшись на улице Окебергвейен, двинулся по ней к району Тейен и улице Уртегата. Маленький Карачи. Небольшие лавки колониальных товаров, хиджабы и старики, сидящие на пластмассовых стульях перед своими

кафе. И «Маяк». Кафе Армии спасения для обездоленных обитателей этого города. Харри знал, что в такие дни, как сегодня, здесь тихо, но зимой, в холода, посетители будут сбиваться за столиками внутри кафе. Кофе с бутербродами. Смена одежды, вышедшей из моды, синие кроссовки из излишков Министерства обороны. В медицинском кабинете на втором этаже – обработка свежих ран, полученных в пьяных драках, или, если дело плохо, укол витамина В. Харри на минуту задумался, не зайти ли к Мартине. Может, она по-прежнему здесь работает. Какой-то писатель сказал, что после большой любви приходят маленькие. Она была одной из маленьких. Но Харри не поэтому хотел зайти к ней. Осло – город небольшой, и тяжелые наркоманы собираются либо здесь, либо в кафе церковной городской миссии на улице Шиппергата. Не исключено, что Мартина знала Густо Ханссена. И Олега.

Но, решив действовать по порядку, Харри пошел дальше. Он пересек реку Акерсельва и посмотрел на нее с моста. Коричневая вода, какой Харри помнил ее с детства, была теперь чистой, как горный ручеек. Говорили, что в ней можно разводить форель. На дорожках, бегущих по обоим берегам речки, стояли они – наркодилеры. Все было новым, и ничего не изменилось.

Он пошел по улице Хаусманна. Миновал церковь Святого Якоба. Глянул на номера домов. Вывеска «Театра жестокости». Изрисованная граффити дверь со смайликом. Открытый участок со следами пожара. А вот и то, что он ищет. Типичный для Осло доходный дом XIX века, блеклый, рациональный, четырехэтажный. Харри толкнул ворота, открывшиеся от его прикосновения. Незаперто. Ворота вели прямо на одну из лестниц. Пахло мочой и мусором.

Харри заметил закодированные сообщения на стенах подъезда. Сломанные перила. Двери со следами взлома, оснащенные большим количеством новых, более надежных замков. На третьем этаже он остановился: место преступления найдено. Белые и оранжевые полицейские ленты крест-накрест опечатывали дверь.

Он сунул руку в карман и достал два ключа, которые снял со связки Олега, пока Нильсен читал протокол. Харри не знал точно, какие два своих ключа повесил в спешке на ту связку, но в любом случае в Гонконге изготовить новые ключи не проблема.

Один ключ был фирмы «Абус», которая, как было известно Харри, производила навесные замки, он сам покупал такой. Другой ключ был фирмы «Винг». Его он и засунул в замок. Ключ наполовину вошел в скважину и застрял. Харри попробовал толкать, попробовал крутить.

– Черт.

Он достал мобильник. Она была записана в контактах как «Б». Поскольку в его списке числилось всего восемь номеров, одной буквы для обозначения каждого абонента было достаточно.

– Лённ.

Вот что больше всего нравилось ему в Беате Лённ, помимо того, что она была одним из талантливейших криминалистов, с какими ему доводилось работать: она всегда ограничивалась предоставлением необходимой информации, не тормозя, как и Харри, следствие лишними словами.

– Привет, Беата. Я на улице Хаусманна.

– На месте преступления? А что ты там...

– Я не могу попасть внутрь. У тебя есть ключ?

– Есть ли у меня ключ?

– Ну, ты же командуешь всем этим.

– Конечно, у меня есть ключ. Вот только я не собиралась давать его тебе.

– И не давай. Но тебе ведь надо кое-что перепроверить на месте преступления. Я помню одного гуру, который говорил, что в деле об убийстве криминалист не может быть чересчур основательным.

– Значит, это ты помнишь.

– Это было первым, что она говорила всем, кого обучала. Я мог бы войти с тобой внутрь и посмотреть, как ты работаешь.

– Харри...

– Я ни к чему не буду прикасаться.

Тишина. Харри знал, что использует ее. Она была больше чем коллега, она была другом, но что еще важнее, она сама была матерью.

Она вздохнула:

– Дай мне двадцать.

Слово «минут» было лишним для нее.

Для него лишним было слово «спасибо». Поэтому Харри просто повесил трубку.

Полицейский Трульс Бернтсен медленно шагал по коридору Оргкрима. Его опыт показывал, что чем медленнее он идет, тем быстрее пролетает время. А вот чего у него было в избытке, так это времени. В кабинете его ждал просиженный стул и маленький письменный стол, на котором лежала стопка рапортов, больше для вида. Компьютером он пользовался в основном для путешествий по Интернету, но и это занятие стало скучным, после того как в управлении ввели ограничения на доступ к определенным сайтам. А поскольку он работал с наркотиками, а не в отделе нравов, ему вскоре пришлось бы давать объяснения о своем интересе к избранным страницам в Сети. Полицейский Бернтсен перенес кофейную чашку через порог, удерживая ее в равновесии, и поставил на стол, стараясь не закапать буклет о новой «Ауди Ку-5». 211 лошадей. Внедорожник, но все равно машина для черных. Бандитское авто. От старых полицейских «Вольво В-70» улетает, как от столба. Автомобиль как свидетельство того, что ты что-то собой представляешь. Чтобы она, та, что живет в новом доме в Хёйенхалле, знала, что ты кто-то. А не никто.

Поддерживать статус-кво – вот в чем фокус. Закрепить достигнутые результаты, как Микаэль назвал это на общем собрании в понедельник. Что означает – не пустить на сцену новых действующих лиц. «Нам всегда будет хотеться, чтобы на улицах стало меньше наркотиков. Но когда достигаешь столь много за столь короткое время, как это сделали мы, всегда есть опасность ремиссии. Вспомните про Гитлера и Москву. Надо откусывать ровно столько, сколько сможешь прожевать».

Полицейский Бернтсен представлял себе, о чем шла речь: долгие дни сидения на стуле с ногами на столе.

Случалось, он скучал по своей работе в Крипосе. Убийства не то что борьба с наркотиками, в Крипосе политика их не касалась, надо было просто найти убийцу, и точка. Но Микаэль Бельман лично настоял на том, чтобы Трульс вместе с ним переехал из Брюна в Полицейское управление, обосновав это тем, что ему потребуются союзники на вражеской территории Полицейского управления, люди, на которых он сможет положиться, которые прикроют с флангов, если он подвергнется нападению. Так же, как сам Микаэль прикрывал с

флангов Трульса, – этого он вслух не произнес, но и так было понятно. В последний раз он прикрыл его в случае с задержанным мальчишкой, когда Трульс слегка распустил руки, в результате чего у парня очень некстати повредилось зрение. Микаэль, естественно, устроил Трульсу разнос, сказал, что он ненавидит насилие в полиции, что в его отделе этого никогда не будет, что, к сожалению, он, как начальник, обязан сообщить о проступке Трульса юристу Стратегического штаба, а уж она решит, надо ли направлять дело дальше, на рассмотрение в Особый отдел. Но зрение у мальчишки восстановилось почти полностью, Микаэль заключил сделку с его адвокатом – полиция сняла обвинения в хранении наркотиков, и на этом все закончилось.

Как будто ничего и не было.

Долгие дни сидения на стуле с ногами на столе.

Именно туда Трульс Бернтсен и собирался их водрузить, когда выглянул в окно на Бутс-парк, как делал по десять раз на дню, и увидел старую липу посреди аллеи, ведущей к следственному изолятору.

Он уже появился.

Этот красный плакат.

Трульс почувствовал, как по телу побежали мурашки, почувствовал, как участился пульс. И поднялось настроение.

Он вскочил, надел пиджак и оставил кофе нетронутым на столе.

От Полицейского управления до церкви района Гамлебюен идти восемь минут быстрым шагом. Трульс Бернтсен прошел по улице Осло-гате к Минне-парку, повернул налево на мост Дювекес и попал в сердце Осло, туда, откуда когда-то начался город. Сама церковь была скромно, почти бедно украшена, без всяких вычурных орнаментов, присущих церкви периода нового романтизма, расположенной рядом с Полицейским управлением. Но история церкви Гамлебюена была насыщеннее. Во всяком случае, если хотя бы половина баек, которые в детстве рассказывала ему бабушка, были правдивыми. Семья Бернтсенов переехала из старого дома в центре города в новостройки Манглеруда в конце пятидесятых, когда район был только-только построен. Но интересно, что именно Бернтсены, коренные жители Осло, рабочие в трех поколениях, чувствовали себя здесь чужаками. Потому что первыми жителями новостроек в пятидесятые годы были крестьяне и переселенцы из других мест, приехавшие в Осло в поисках новой жизни. И когда в семидесятые – восьмидесятые годы отец Трульса напивался в стельку, выходил на балкон их квартиры в многоэтажном доме и начинал поносить всех и вся, Трульс либо уходил к своему лучшему и единственному другу Микаэлю, либо к бабушке в Гамлебюен.

Она рассказывала, что церковь Гамлебюена была построена на том месте, где в XIII веке находился монастырь, в стенах которого монахи заперлись, чтобы переждать в молитвах разгул «черной смерти»^[13], но люди посчитали, что они заперлись, чтобы не выполнять свой христианский долг по отношению к ближним и не ухаживать за зараженными. Когда же канцлер повелел взорвать монастырские ворота, потому что обитатели монастыря на протяжении нескольких месяцев не подавали признаков жизни, он узрел крысиный пир на гниющих телах монахов. Любимая бабушкина сказка на ночь была о том, как на этом же месте построили психиатрическую лечебницу, прозванную «кукольным домом», и как некоторые сумасшедшие жаловались, что по ночам в коридорах здания разгуливают мужчины в монашеских одеяниях. А когда один из пациентов сорвал у монаха с головы

капюшон, его взору предстало бледное лицо с пустыми глазницами, изъеденное крысами.

Но больше всего Трульсу нравилась история об Аскиле Ушане. Он жил и умер более ста лет назад, в те времена, когда Кристиания^[14] стала настоящим городом, а церковь Гамлебюен уже давным-давно была построена. Говорили, что его призрак бродил по кладбищу, по близлежащим улицам, по порту и Квадратуре. Но только по этим местам, потому что Аскиль Ушан был одноногим и не мог уходить далеко от своей могилы, ведь ему надо было успеть вернуться до наступления утра, говорила бабушка. Аскиль Ушан потерял ногу под колесами пожарной телеги, когда ему было три года, но, по словам бабушки, острые на язык жители восточных районов предпочли дать ему кличку, связанную с размером его ушей. Времена были тяжелые, и выбор профессии для одноногого ребенка был предопределен. Так что Аскиль Ушан занялся попрошайничеством и вскоре стал привычным зрелищем на улицах растущего города. Он всегда был в хорошем настроении и готов поболтать. Особенно с теми, кто среди бела дня сидел в пивнушках и не имел работы, но у кого внезапно на руках появлялись деньги. Тут и Аскилю Ушану кое-что перепало. Но иногда Аскилю требовалось чуть больше денег, и тогда, случалось, он рассказывал полиции о тех, кто в последнее время был особенно щедрым. И кто, опрокинув четвертый стакан и не обращая внимания на безобидного попрошайку, пристроившегося сбоку, рассказывал, как его пригласили ограбить ювелира на улице Карла Йохана или торговца древесиной в Драммене. Поползли слухи о том, что у Аскиля Ушана действительно очень большие уши, и после раскрытия одного ограбления в Кампене Аскиль Ушан пропал. Тело его так и не было найдено, но однажды зимним утром на ступенях церкви Гамлебюена люди увидели костыль и два отрезанных уха. Аскиля похоронили где-то на церковном кладбище, но, поскольку ни один священник не прочел над его телом молитву, он не упокоился. Поэтому после наступления темноты в Квадратуре или поблизости от церкви можно было наткнуться на хромого мужчину в низко натянутой на голову шапке, просящего подать ему два эре, «два эре!». И не подать попрошайке считалось плохой приметой.

Вот что рассказывала бабушка. Тем не менее Трульс Бернтсен проигнорировал худого попрошайку с темной кожей в чужеземных одеждах, сидевшего у входа на кладбище, и зашагал по гравиевой дорожке между могилами, считая их. Дойдя до седьмой, свернул налево, затем, отсчитав третью, направо и остановился у четвертого могильного памятника.

Имя, высеченное на камне, ничего ему не говорило. А. К. Руд. Он умер в 1905 году, когда Норвегия обрела независимость; ему был всего двадцать один год, но, кроме дат рождения и смерти, на камне не было ничего, даже обычного пожелания почивать с миром или какого-либо другого в буквальном смысле крылатого выражения. Возможно, это потому, что памятник был слишком маленьким для длинного текста. Но пустая ровная поверхность памятника прекрасно подходила для написания мелом коротких сообщений, именно поэтому они его и выбрали.

ЦАЛЬШУДА УРИТЖГСО

Трульс расшифровал текст с помощью простого кода, которым они пользовались, чтобы случайные прохожие не смогли понять сообщение. Он начал с конца, прочитал две последние буквы, затем две перед ними, и так далее.

СОЖГИ ТУРДА ШУЛЬЦА

Трульс Бернтсен не стал записывать сообщение. Ему это не требовалось. У него была прекрасная память на имена, что постоянно приближало его к кожаным сиденьям «Ауди Ку-5 2.0» с шестиступенчатой коробкой. Он стер надпись рукавом куртки.

Попрошайка поднял глаза на Трульса, когда тот прошел обратно. Наверняка на него работает целая рота нищих, а где-то поблизости стоит его машина. «Мерседес», вроде бы такие им по вкусу? Начали бить церковные колокола. В прайс-листе было написано, что «Ку-5» стоит 666 тысяч. И если в этом был какой-то тайный смысл, то от Трульса Бернтсена он ускользнул.

– Ты хорошо выглядишь, – сказала Беата, вставляя ключ в замок. – И пальчик у тебя классный.

– Сделано в Гонконге, – ответил Харри, потеряв короткую титановую фалангу.

Пока маленькая бледная женщина открывала двери, он разглядывал ее. Тонкие короткие светлые волосы, забранные резинкой. Кожа настолько прозрачная, что видна красивая сетка кровеносных сосудов на виске. Женщина напоминала ему голую крысу, на которой опробовали методы лечения рака.

– Поскольку ты написала, что Олег обитал на месте преступления, я подумал, что смогу попасть внутрь при помощи его ключей.

– Замок в этой двери давным-давно был сломан, – сказала Беата, распахивая дверь. – Проходи. Мы вставили новый замок, чтобы наркоманы не вернулись и не испачкали место преступления.

Харри кивнул. Это типично для наркоманских притонов, для квартир, в которых проживает несколько наркоманов. Нет смысла ставить замки, они будут немедленно сломаны. Во-первых, все торчки вламываются в те квартиры, где, по их сведениям, может быть дурь. Во-вторых, даже те, кто живет вместе, обязательно воруют друг у друга.

Беата отодвинула в сторону опечатавающие квартиру ленты, и Харри проник внутрь. На крючках в коридоре висели одежда и пластиковые пакеты. Харри заглянул в один из них. Сердцевина от рулона бумажных полотенец, пустые пивные банки, мокрая футболка со следами крови, кусочки фольги, пустая сигаретная пачка. У одной стены были составлены пустые коробки из-под пиццы «Грандиоза», и эта грандиозная башня скоро могла бы достать до потолка. Еще в квартире стояли четыре одинаковые белые вешалки. Харри удивился, но потом сообразил, что вешалки ворованные и их просто не удалось продать. Он вспомнил, что в наркоманских притонах постоянно обнаруживались вещи, за которые обитатели этих притонов очень надеялись выручить деньги. В одном месте полиция нашла сумку с шестьюдесятью устаревшими, давно вышедшими из употребления мобильными телефонами, в другом – частично разобранный мопед на кухне.

Харри вошел в гостиную. Здесь пахло смесью пота, пропитанного пивом дерева, мокрого пепла и чего-то сладкого, что Харри не сумел определить. В гостиной не было мебели в обычном понимании. На полу лежали четыре матраца, как в лагере вокруг костра. Из одного матраца под углом девяносто градусов торчал кусок проволоки в форме латинской буквы Y. Квадрат пола между матрацами был черным от следов огня вокруг пустой пепельницы. Харри предположил, что содержимое пепельницы забрали эксперты.

– Густо лежал здесь, у стены в кухне, – сказала Беата.

Она стояла в дверном проеме между гостиной и кухней и указывала на место, где был обнаружен труп.

Вместо того чтобы пройти на кухню, Харри остановился в дверях и огляделся. Это привычка. Не привычка криминалиста обследовать место преступления издалека, начинать прочесывание с периферии, постепенно приближаясь к труп. И не привычка полицейского из дежурной части или патрульной машины, который, первым прибыв на место преступления, прекрасно осознает, что может испачкать его собственными следами или, в худшем случае, уничтожить имеющиеся следы преступников. Здесь люди Беаты уже давно сделали все, что нужно. Нет, это была привычка следователя-тактика. Того, кто знает, что у него есть только один шанс получить первые чувственные впечатления, позволить почти незаметным деталям рассказать свою историю, оставить свои отпечатки до того, как цемент застынет. Это должно случиться сейчас, прежде чем включится аналитическая часть мозга, та, которой нужны четко сформулированные факты. Харри обычно определял интуицию как простые логические заключения, основанные на обычной информации, полученной при помощи органов чувств, которые мозг не смог или не успел перевести на понятный язык.

Но это место не слишком много поведало Харри о произошедшем убийстве.

Он видел, слышал и обонял квартиру, где жили более или менее случайные люди, которые собирались вместе, ширялись, спали, изредка ели и через какое-то время исчезали. Уходили в другой притон, в палату хосписа, в парк, в мусорный бак, в спальный мешок под мостом или же под могильный камень в белом ящике.

– Нам, естественно, пришлось здесь немного прибрать, – сказала Беата, отвечая на его незадаанный вопрос. – Везде был мусор.

– Наркота? – спросил Харри.

– Мешок несваренных ватных тампонов, – ответила Беата.

Харри кивнул. Наиболее истощенные и нищие наркоманы обычно собирали ватные тампоны, которыми пользовались для очистки наркотиков от шлаков во время забора жидкости в шприц. В черный день эти тампоны можно было сварить, а отвар вколоть.

– И презерватив с семенной жидкостью и героином.

– Да ну? – Харри поднял бровь. – Советуешь попробовать?

Беата залилась краской, как в те годы, когда она была скромной выпускницей полицейской школы, какой он ее еще помнил.

– С остатками героина, если точнее. Мы думаем, что презерватив использовался для хранения, а когда хранить стало нечего, его применили по прямому назначению.

– Ммм, – сказал Харри. – Торчки, которые заботятся о предохранении. Неплохо. Выяснили, кто...

– ДНК с внутренней и внешней стороны презерватива принадлежат двум знакомым нам людям. Одной шведской девочке и Ивару Торстейнсену, больше известному как Спидвар.

– Спидвар?

– Обычно он угрожает полицейским грязными шприцами. Утверждает, что заражен.

– Ммм, тогда понятно, почему он пользовался презервативом. В насилии замечен?

– Нет, всего несколько сотен взломов, хранение и торговля. И даже ввоз в страну.

– Но угрожал убить кончиком шприца?

Беата вздохнула и сделала шаг в гостиную, повернувшись к нему спиной.

– Прости, Харри, но в этом деле все концы сходятся с концами.

– Олег никогда не обидел и мухи, Беата. В нем этого просто-напросто нет. А вот этот Спидвар...

– Спидвар и шведская девочка уже... уже не актуальны.

Харри посмотрел на ее спину.

– Мертвы?

– Передозировка. За неделю до убийства. Низкокачественный героин, смешанный с фентанилом. У них не было денег на «скрипку».

Харри скользнул взглядом по стенам. У большинства тяжелых наркоманов без постоянного места жительства были нычки – одно или два тайных места, где они могли спрятать или запереть свой неприкосновенный наркотический запас. Или деньги. Или другие важные вещи. Носить их с собой не имело смысла, бездомному торчку приходилось ширяться в людных местах, а в тот момент, когда дурь попадала ему в вену, он становился беспомощным и представлял собой легкую добычу для грабителей. Поэтому нычки были святым делом. Совершенно, казалось бы, отупевший наркоман тратил столько сил и фантазии, чтобы спрятать свою нычку, что даже профессиональные сыщики и собаки, натренированные на поиск наркотиков, не могли ее найти. Тайное место, о котором торчок никогда никому не говорит, даже своему лучшему другу. Потому что знает, знает по собственному опыту, что никакой друг из плоти и крови не станет ему ближе, чем друзья кодеин, морфин, героин.

– А нычки вы здесь искали?

Беата покачала головой.

– Почему? – поинтересовался Харри, хотя и понимал, что это глупый вопрос.

– Потому что нам, скорее всего, пришлось бы разгромить всю квартиру, чтобы найти что-то, не представляющее интереса для расследования этого дела, – терпеливо пояснила Беата. – Потому что мы должны грамотно распорядиться нашими ограниченными ресурсами. И потому что мы собрали достаточно доказательств.

Харри кивнул. Каков вопрос, таков ответ.

– А что там с доказательствами?

– Мы думаем, что убийца стрелял с того места, где я сейчас стою. – У криминалистов не принято употреблять имена. Она вытянула руку перед собой. – С близкого расстояния. Меньше метра. Следы пороха вокруг и во входных отверстиях.

– Их несколько?

– Было два выстрела.

Она посмотрела на него извиняющимся взглядом, словно говоря, что она знает, о чем он думает: этот факт отнимает у защиты возможность утверждать, что выстрел был произведен случайно.

– Оба выстрела прямо в грудь.

Беата развела указательный и средний пальцы и приложила слева к своей блузке, как будто говорила с ним на языке глухонемых.

– Если и жертва, и убийца стояли в полный рост и убийца держал оружие обычным способом, расположение входного отверстия от первого выстрела свидетельствует о том, что рост убийцы метр восемьдесят – метр восемьдесят пять. Рост подозреваемого – метр восемьдесят три.

О господи. Он подумал о мальчишке, стоявшем у двери в комнате для свиданий. А ему казалось, что еще вчера, когда они играли и боролись, Олег едва доставал Харри до груди.

Беата прошла в кухню и указала на стену у залитой жиром плиты.

– Пули попали сюда и сюда, как ты видишь. Это подтверждает, что второй выстрел был произведен вскоре после первого, когда жертва начала падать. Первая пуля прошла сквозь

легкое, вторая – через верхнюю часть груди и задела лопатку. Жертва...

– Густо Ханссен, – произнес Харри.

Беата остановилась. Посмотрела на него. Кивнула:

– Густо Ханссен умер не сразу. В луже крови были отпечатки, а на одежде – следы крови, подтверждающие, что после падения он двигался. Но недолго.

– Понятно. А что... – Харри провел рукой по лицу. Ему нужно было бы поспать несколько часов. – Что связывает Олега с этим убийством?

– Два человека позвонили в оперативный центр полиции без трех минут девять вечера и сказали, что слышали звук, похожий на выстрел, в одном из домов. Один живет на улице Мёллергата на другой стороне перекрестка, а второй – в доме напротив этого.

Харри, прищурившись, выглянул в серое от грязи окно, выходящее на улицу Хаусманна:

– Хороший слух у того, кто здесь, в центре, слышит, что происходит в доме напротив.

– Не забывай, был июль. Теплый вечер. Все окна распахнуты, многие уехали в отпуск, движения почти нет. Соседи, кстати, пытались заставить полицию прикрыть этот притон, так что они сообщали о малейшем шуме, можно так сказать. Дежурный оперативного центра попросил их сохранять спокойствие и приглядывать за домом до приезда патрульных машин. Он немедленно проинформировал дежурную бригаду из уголовного отдела. Две патрульные машины прибыли в двадцать минут десятого и заняли позиции в ожидании подкрепления.

– «Дельта»?

– Этим парням не требуется много времени, чтобы облачиться в шлемы и доспехи. Патрульные машины получили из оперативного центра информацию о том, что соседи видели, как из подъезда вышел парень и двинулся по направлению к Акерсельве. И двое патрульных направились к реке, а там обнаружили...

Она замолчала. Харри еле заметным кивком побудил ее продолжать.

– Обнаружили Олега. Он не сопротивлялся, был под таким кайфом, что едва ли понимал, что происходит. Мы нашли следы пороха на его правой руке и предплечье.

– Орудие преступления?

– Поскольку это необычный калибр, под патроны «малаков» девять на восемнадцать миллимет ров, альтернатив не так много.

– Ну, «малаков» – любимое оружие организованной преступности бывших советских республик. Как и «Форт-двенадцать», которым пользуется украинская полиция. И еще кое-кто.

– Точно. Мы нашли на полу пустые гильзы со следами пороха. Порох в патронах «малакова» имеет особое соотношение селитры и серы, а еще они добавляют спирт, как в бессерный порох. Химический состав пороха на пустой гильзе и вокруг входного отверстия идентичен составу пороха, обнаруженному на руках Олега.

– Ммм. А само оружие?

– Не найдено. Наши люди и водолазы искали на берегу и в реке, но безрезультатно. Это не значит, что пистолет не там. Мусор, ил... ну, ты знаешь.

– Я знаю.

– По словам двоих из проживающих здесь, Олег показывал им пистолет и хвастался, что именно таким оружием пользуется русская мафия. Никто из этих двоих не разбирается в оружии, но после того, как им показали фотографии сотни разных пистолетов, оба они выбрали «одессу». А в нем, как тебе, конечно, известно, используется...

Харри кивнул. Патрон «малаков» девять на восемнадцать миллиметров. Кроме того,

этот пистолет почти невозможно с чем-то спутать. Когда он впервые увидел «одессу», ему вспомнился старый футуристический пистолет, изображенный на обложке группы «Foo Fighters», одного из его многочисленных дисков, оставшихся у Ракели и Олега.

– И я так понимаю, что это очень надежные свидетели, у которых маленькие проблемы с наркотиками?

Беата не ответила. Ей и не надо было отвечать, Харри знал, что она знает, что он делает: хватается за соломинку.

– И еще: анализы крови и мочи Олега, – сказал Харри, одергивая рукава пиджака, как будто ему именно здесь и сейчас было важно, чтобы они не закатывались. – Что они показали?

– Действующие вещества «скрипки». Наркотическое опьянение, конечно, можно рассматривать как смягчающее обстоятельство.

– Ммм. Значит, ты полагаешь, что он был под кайфом, перед тем как застрелил Густо Ханссена. А как насчет мотива?

Беата посмотрела на Харри непонимающим взглядом:

– Мотива?

Он знал, о чем она думает: можно ли представить себе, что один наркоман убивает другого за что-нибудь, кроме наркотиков?

– Если Олег уже был под кайфом, зачем ему кого-то убивать? – спросил Харри. – Убийства из-за наркотиков, подобные этому, обычно происходят спонтанно: убийца в отчаянии, ему требуется доза или у него начинается ломка.

– Мотивами занимается твой отдел, – ответила Беата. – Я криминалист.

Харри перевел дух.

– Хорошо. Еще что-нибудь?

– Думаю, ты должен взглянуть на фотографии, – сказала Беата, открывая тонкую кожаную папку.

Харри взял пачку фотографий. Первое, что его поразило, – это красота Густо. Другого слова он подобрать не мог. Симпатичный, смазливый – все не то. Даже мертвый, с закрытыми глазами, в пропитанной кровью рубашке, Густо Ханссен обладал трудноопределимой, но очевидной красотой молодого Элвиса Пресли, такой тип внешности привлекает и женщин, и мужчин, как андрогинная красота богов, присущая всем религиям. Харри перебрал снимки. После первых общих планов фотограф снял лицо и пулевые отверстия.

– А это что? – спросил Харри, показывая на правую руку Густо на одной из фотографий.

– У него под ногтями была кровь. Мы взяли образцы, но, к сожалению, они были утрачены.

– Утрачены?

– Такое бывает, Харри.

– Только не в твоём отделе.

– Образец крови повредился по дороге в Институт судебной медицины, где должны были провести анализ ДНК. На самом деле мы не очень огорчились из-за этого. Кровь была довольно свежая, но настолько свернувшаяся, что она едва ли имела отношение к моменту убийства. А принимая во внимание, что жертва кололась, вероятнее всего это была его собственная кровь. Но...

– Но если нет, то всегда интересно знать, с кем он дрался в тот день. Посмотри на

ботинки... – Он протянул Беате фотографию, на которой Густо был изображен в полный рост. – Разве это не «Альберто Фасциани»?

– Я и не подозревала, что ты так хорошо разбираешься в обуви, Харри.

– Один из моих гонконгских клиентов их производит.

– Клиент, вот как? Насколько мне известно, настоящие «Фасциани» производятся только в Италии.

Харри пожал плечами:

– Разницу заметить невозможно. Но если это «Альберто Фасциани», то ботинки как-то не очень подходят к остальной одежде. Похоже, что ее он получил в Армии спасения.

– Ботинки могут быть крадеными, – сказала Беата. – У Густо Ханссена была кличка Вор. Он славился тем, что воровал все, что попадало под руку, в том числе наркотики. Говорят, Густо украл в Швеции старую собаку, натренированную на поиск наркотиков, и использовал ее для поиска нычек.

– Может, он нашел нычку Олега, – сказал Харри. – Олег рассказывал что-нибудь на допросах?

– Молчит как рыба. Единственное, что сказал Олег, – это что все черно, что он даже не помнит, был ли в этой квартире.

– А может, его тут и не было.

– Мы нашли его ДНК, Харри. Волос, пот.

– Все ж таки он жил здесь и спал.

– На трупе, Харри.

Харри застыл, молча глядя перед собой. Беата подняла руку, возможно для того, чтобы положить ему на плечо, но передумала и опустила ее.

– Ты поговорил с ним?

Харри покачал головой:

– Он вышвырнул меня за дверь.

– Ему стыдно.

– Ну конечно.

– Серьезно. Он всегда брал с тебя пример. И он чувствует себя униженным, представляя перед тобой в таком виде.

– Униженным? Я утирал слезы и дул на царапины этого мальчишки. Прогонял троллей и разрешал спать со светом.

– Того мальчишки больше нет, Харри. Нынешний Олег не хочет, чтобы ты ему помогал, он хочет быть похожим на тебя.

Харри топнул ногой, глядя в стену.

– С меня не стоит брать пример, Беата. Именно это он и понял.

– Харри...

– Пойдем сходим к реке?

Сергей стоял с опущенными руками перед зеркалом. Он отодвинул крепление и нажал на кнопку. Лезвие ножа вылетело наружу и заблестело на солнце. Это был красивый нож, сибирский пружинный нож, или просто железо, как называли его урки – представители сибирского криминального клана. Лучшее колющее оружие в мире. Длинная тонкая рукоятка с длинным тонким лезвием. По традиции человек получал такой нож в подарок от старшего преступника в семье, когда у него появлялись заслуги. Однако традиции отходили в прошлое,

и теперь такие ножи покупали или крали либо же делали левые копии. Но этот нож он получил от дяди. По словам Андрея, пока Сергей не получил нож, тот лежал под матрасом у атамана. Сергей вспомнил легенду о том, что, если положить железо под матрац больному, оно впитает в себя боль и страдания, которые потом передаст тому, в кого вонзится. Это был один из мифов, так любимых урками, как и тот, что если кто-нибудь завладеет твоим железом, то на него повалятся несчастья вплоть до смерти. Старинные суеверия и романтика, время которых уходит. Но тем не менее Сергей принял подарок с большой, возможно даже, преувеличенной почтительностью. А почему бы и нет? Дяде он обязан всем. Это дядя вытащил его из неприятностей, в которые Сергей вляпался; это дядя выправил ему документы для переезда в Норвегию и даже приготовил для него место уборщика в аэропорту Осло. Работа хорошо оплачивалась, но получить ее было нетрудно: на такие работы норвежцев заманить непросто, они предпочитают жить на пособие. А те несколько маленьких сроков, которые Сергей получил в России, не стали проблемой: дядя позаботился о том, чтобы подчистить его биографию. Поэтому, принимая подарок, Сергей поцеловал синий перстень своего благодетеля. И он должен признать, что нож, который он держал в руке, был очень красивым, с темно-коричневой рукояткой из рога благородного оленя, инкрустированной православным крестом из слоновой кости.

Сергей сделал выпад бедром, как его учили, почувствовал равновесие, выбросил нож вперед и вверх. Выпустил и спрятал лезвие. Еще и еще раз. Быстро, но не до такой степени, чтобы длинное лезвие не успевало каждый раз спрятаться полностью.

Это следовало проделать с помощью ножа, потому что человек, которого предстояло убить Сергею, был полицейским. А когда убивают полицейского, убийцу ищут очень активно, поэтому надо было оставить как можно меньше следов. Пуля способна указать на места, оружие, людей. Порез от гладкого чистого ножа ничего не расскажет. Удар не обладает такой анонимностью, он может дать информацию о длине и форме лезвия, поэтому Андрей посоветовал не бить в сердце, а перерезать сонную артерию полицейского. Сергей никогда раньше никому не резал горло, как, впрочем, и не бил ножом в сердце, только однажды воткнул нож в бедро грузину, который не сделал им ничего плохого, а просто был грузином. Поэтому он решил потренироваться на чем-нибудь живом. У соседа-пакистанца было три кота, и каждое утро, когда Сергей входил в подъезд, в нос ему ударял запах кошачьей мочи.

Сергей опустил нож, склонил голову и посмотрел на свое отражение в зеркале. Он хорошо выглядел: тренированный, несущий угрозу, опасный, готовый. Как будто сошел с киноафиши. По его наколке будет понятно, что он убил полицейского.

Он остановится позади полицейского. Сделает шаг вперед. Лево́й рукой схватит его за волосы и откинет голову назад. Приставит о́стрие ножа к его горлу с лево́й стороны, прорежет кожу и сделает разрез на горле в форме полумесяца. Вот так.

Сердце выбросит фонтан крови, три удара – и поток крови уменьшится. Мозг полицейского к тому времени уже умрет.

Сложить нож, опустить его в карман, уходить быстро, но не слишком, никому не глядя в глаза, в случае если там будут люди. Уйти и стать свободным.

Он шагнул назад. Снова выпрямился и сделал вдох. Визуализация. Выдох. Шаг вперед. Лезвие ножа блеснуло тускло и прекрасно, как дорогое украшение.

Беата и Харри вышли на улицу Хаусманна, повернули налево, обогнули дом и прошли через пожарище, где все еще валялись закопченные осколки стекла и обгоревшие кирпичи. За пожарищем находился заросший склон, ведущий к берегу реки. Харри отметил, что с задней стороны дома не было никаких дверей и, поскольку запасного выхода не имелось, с верхнего этажа вниз вела узкая пожарная лестница.

– Кто живет в соседней квартире на том же этаже? – спросил Харри.

– Никто, – ответила Беата. – Там пустые офисы. Помещения «Анархиста», маленького журнала...

– Знаю. Неплохой был журналчик. Эти ребята теперь работают в отделах культуры крупных газет. А помещения были заперты?

– Взломаны. Наверняка долго простояли незапертыми.

Харри посмотрел на Беату, и она кивнула, подтверждая его невысказанное предположение: кто-то мог находиться в квартире Олега и незаметно выйти этим путем. Соломинка.

Они спустились к тропинке, идущей по берегу Акерсельвы. Харри убедился, что река не настолько широкая, чтобы мальчишка с хорошим замахом не сумел перебросить пистолет на другой берег.

– До тех пор, пока вы не найдете оружие убийства... – начал он.

– Обвинению не требуется пистолет, Харри.

Он кивнул. Следы пороха на руке. Свидетели, которым он показывал пистолет. ДНК на убитом.

Стоявшие у зеленой железной скамейки два белых парня в куртках на молниях посмотрели на них, разом кивнули и побрели прочь по тропинке, подволакивая ноги.

– Дилеры по-прежнему чувят в тебе полицейского, Харри.

– Ммм. Я думал, здесь только марокканцы толкают хэш.

– У них появились конкуренты. Косовские албанцы, сомалийцы, восточные европейцы. Беженцы, торгующие полным ассортиментом: спид, метамфетамин, экстази, морфин.

– Героин.

– Сомневаюсь. В Осло практически невозможно найти обычный героин. Здесь царит «скрипка», а ее можно достать только в районе Платы. Если, конечно, ты не захочешь съездить в Гётеборг или Копенгаген, где она тоже появилась в последнее время.

– Я то и дело слышу о «скрипке». А что это?

– Новый синтетический наркотик. От него не так захватывает дух, как от обычного героина, и поэтому от него реже случаются передозировки, хотя он и ломает жизни. Вызывает мгновенное привыкание: каждый, кто попробовал, хочет еще. Но он такой дорогой, что самые бедные не могут его себе позволить.

– И поэтому покупают другие наркотики?

– Это золотое дно.

– Куда ни ступи, что вперед, что назад^[15].

Беата покачала головой:

– Все дело в борьбе против героина. И ее он выиграл.

– Бельман?

– Ты уже слышал?

– Хаген сказал, что он разгромил большинство героиновых банд.

– Пакистанских, да. И вьетнамских. Газета «Дагбладет» назвала его генералом Роммелем, после того как он разоблачил огромную североафриканскую сеть. И банду байкеров из Алнабру. Они все за решеткой.

– Байкеры? В мое время байкеры боялись героина, как чумы.

– «Лос Лобос». Подражатели «Ангелов ада». Мы думаем, они были одной из двух групп, торгующих «скрипкой». Но их взяли во время рейда в Алнабру. Видел бы ты ухмылку Бельмана в газетах. Он лично участвовал в этой операции.

– Пора делать добро?

Беата рассмеялась. Что ему еще в ней нравилось, так это то, что она достаточно хорошо разбиралась в кино и правильно реагировала, когда он цитировал не самые плохие реплики из не самых лучших фильмов. Харри предложил ей сигарету, но она отказалась. Он прикурил.

– Ммм. А как Бельману удалось то, чего и в малой доле не удавалось совершить наркоотделу за все те годы, что я провел в управлении?

– Я знаю, что ты его не любишь, но на самом деле он неплохой руководитель. В Крипосе его просто обожали, они до сих пор злятся на начальника полиции за то, что он перевел его к нам.

– Ммм... – Харри затаился. Почувствовал, как кровь изголодалась по никотину. Никотин. Трехсложное слово, заканчивающееся на «-ин». – И кто же остался?

– В этом и заключается изъян. Истребляя вредителей, ты вмешиваешься в пищевую цепочку, и всегда существует вероятность того, что ты просто-напросто расчистил место для кого-нибудь другого. Более страшного, чем тот, кого ты истребил.

– На это что-нибудь указывает?

Беата пожала плечами.

– Внезапно мы перестали получать информацию с улиц. Информаторы ничего не знают. Или помалкивают. Разговоры ходят только о некоем человеке из Дубая, которого никто не видел и имени которого никто не знает, об этом невидимом кукловоде. Мы замечаем, что идет торговля «скрипкой», но не можем отследить поставки. Дилеры, которых мы арестовываем, говорят, что купили ее у других дилеров своего уровня. Не вполне обычно, когда кто-то так хорошо замечает следы. Очевидно, что действует простая и очень профессиональная сеть, осуществляющая ввоз и распространение.

– Человек из Дубая. Таинственный и гениальный. Разве мы уже не слышали эту историю? Обычно он оказывается простой сволочью.

– На этот раз все иначе, Харри. В этом году в наркосреде произошел ряд убийств. Появилась жестокость, какой мы раньше не наблюдали. И все молчат. Двух вьетнамских пушеров обнаружили подвешенными за ноги к балке в квартире, где они торговали. Утопленными. На голове у каждого был плотно завязанный пластиковый пакет, наполненный водой.

– Это не арабский метод, а русский.

– Прости?

– Жертва подвешивается за ноги вниз головой, на голову ей надевают мешок, в котором проделаны дырки для дыхания. Потом на ступни жертвы начинают лить воду. Вода стекает по телу в мешок, и тот постепенно наполняется. Метод называется «Человек на Луне».

– Откуда ты это знаешь?

Харри пожал плечами:

– Был такой богатый киргизский мафиози по фамилии Бираев. В восьмидесятые годы он добыл оригинальные скафандры астронавтов «Аполлона-одиннадцать». Заплатил два миллиона долларов на черном рынке. Тех, кто пытался обмануть Бираева или не хотел возвращать ему долги, помещали в скафандр. И снимали на видео лицо несчастного, заливая в скафандр воду. А после этого отправляли фильм остальным должникам.

Харри выпустил вверх струйку дыма.

Беата смотрела на него, медленно покачивая головой.

– Чем же ты занимался в Гонконге, Харри?

– Ты уже спрашивала меня об этом по телефону.

– Но ты не ответил.

– Ага. Хаген сказал, что может дать мне другое дело вместо этого. Он говорил что-то об убитом агенте.

– Да, – откликнулась Беата, явно обрадовавшись тому, что они больше не разговаривают о деле Густо и об Олеге.

– Что там случилось?

– Молодой агент, внедренный в наркосреду. Его прибило к берегу в том месте, где крыша Оперного театра опускается к воде. Туристы, дети, все такое. Был большой шум.

– Застрелен?

– Утонул.

– А откуда вы знаете, что это было убийство?

– Никаких внешних повреждений. Сначала вообще казалось, что он случайно свалился в море, он ведь ошивался вокруг Оперы. Но потом Бьёрн Хольм проверил воду из его легких. Это совершенно точно была пресная вода. А в Осло-фьорде, как известно, вода соленая. Так что, скорее всего, кто-то скинул его в море, чтобы казалось, что там он и утонул.

– Так, – сказал Харри. – Раз он агент, он должен был бывать здесь, у реки. А в реке вода пресная, и она впадает в море около Оперы.

Беата улыбнулась.

– Здорово, что ты вернулся Харри. Бьёрн подумал об этом и сравнил бактерии и флору, содержание микроорганизмов и все прочее. Вода из легких слишком чистая для воды из Акерсельвы. Она прошла через фильтры для питьевой воды. Могу предположить, что он утонул в ванной. Или в пруду у очистных сооружений. Или...

Харри швырнул окурок на тропинку перед собой:

– В пластиковом мешке.

– Вот-вот.

– Человек из Дубая. Что вам о нем известно?

– Только то, что я рассказала тебе, Харри.

– Ты мне ничего не рассказывала.

– Именно.

Они остановились у моста Анкербура. Харри посмотрел на часы.

– Опаздываешь куда-то? – спросила Беата.

– Нет, – ответил Харри. – Я сделал это, чтобы ты могла сказать, что ты куда-то опаздываешь, не испытывая вины передо мной.

Беата улыбнулась. «На самом деле она симпатичная, когда улыбается, – подумал

Харри. – Странно, что у нее сейчас никого нет. А может, и есть». Она была одним из восьми контактов в его записной книжке, а он даже этого не знал о ней.

«Б» значит «Беата».

Х значит Халворсен, бывший коллега Харри и отец ребенка Беаты. Убит при исполнении. Но еще не стерт из записной книжки.

– Ты связывался с Ракелью? – спросила Беата.

Р. Харри стало интересно, не всплыло ли ее имя как ассоциация со словом «вина». Он отрицательно покачал головой. Беата ждала. Но ему нечего было добавить.

Они начали говорить одновременно:

– Наверное, тебе...

– На самом деле мне...

Она улыбнулась:

– ...надо бежать.

– Конечно.

Харри посмотрел ей вслед.

Потом он уселся на скамейку и уставился на реку, на уток, неторопливо плавающих среди водоворотов.

Двое в куртках на молниях вернулись. Подошли к нему.

– Ты из «пять-ноль»?

На американском сленге так называют полицию, используя название популярного телесериала. Они почуяли Беату, а не его.

Харри покачал головой.

– Ищешь...

– Покоя, – ответил Харри. – Мира и покоя.

Он вынул из внутреннего кармана пиджака солнцезащитные очки «Прада». Они достались ему в подарок от владельца одного магазина на улице Кантон-роуд, который постоянно задерживал платежи, но считал, что с ним поступают по справедливости. Женская модель, но Харри было плевать, ему нравились эти очки.

– А кстати, – крикнул он им вслед, – у вас есть «скрипка»?

Один только фыркнул в ответ.

– В центре, – сказал второй, указывая назад.

– Где в центре?

– Спроси Ван Перси или Фабрегаса!^[16]

Их смех унесся в сторону джаз-клуба «Бло».

Харри откинулся назад, продолжая следить за удивительно эффективными движениями уток, благодаря которым они скользили по воде, как конькобежцы по черному льду.

Олег молчал. Обычно молчат виновные. Это их единственная привилегия и единственная разумная стратегия. Что дальше? Расследовать то, что уже раскрыто, отвечать на вопросы, на которые уже найдены адекватные ответы? Чего он достигнет? Обуздает правду, отрицая ее? Будучи следователем по раскрытию убийств, он не раз слышал, как родственники исполняют патетический припев: «Мой сын? Никогда в жизни!» Он знал, почему ему хочется заняться расследованием. Потому что единственное, что он умеет, – это расследовать. Единственное, чем он способен помочь. Он подобен домохозяйке, которая усердно готовит еду на поминки собственного сына, подобен музыканту, который берет с собой инструмент на похороны друга. Человеку необходимо что-то делать, чтобы рассеяться

или утешиться.

Одна из уток поплыла прямо к нему, наверное в надежде получить хлеб. Не потому, что она в это верила, но потому, что это было возможно. Рассчитанный расход энергии против реальности награды. Надежда. Черный лед.

Харри резко выпрямился и достал из кармана ключи. Он только что вспомнил, зачем в тот раз купил навесной замок с ключом. Не себе. А конькобежцу. Олегу.

Полицейский Трульс Бернтсен немного поспорил с инспектором полицейского отдела аэропорта Осло. Бернтсен сказал: да, он знает, что аэропорт находится в округе Румерике и что он не имеет никакого отношения к задержанию. Но, будучи тайным агентом спецгруппы полиции, он какое-то время приглядывал за задержанным, а совсем недавно от своих источников узнал, что Турда Шульца взяли с наркотиками. Трульс продемонстрировал удостоверение, в котором было написано, что он является сотрудником полиции третьего уровня допуска, членом группы специальных операций отдела по борьбе с организованной преступностью Полицейского управления Осло. Инспектор пожал плечами и, не произнеся больше ни слова, отвел его в одну из трех камер предварительного заключения.

После того как дверь камеры захлопнулась за Трульсом, он огляделся по сторонам, чтобы убедиться, что коридор и две другие камеры пусты. Потом он уселся на крышку унитаза и посмотрел на мужчину, который сидел на нарах, сжимая голову руками.

– Турд Шульц?

Человек поднял голову. На нем не было пиджака, и, если бы не знаки отличия на рубашке, Бернтсен никогда бы не принял его за командира экипажа. Командир экипажа не должен так выглядеть: напуганным до смерти, бледным, с черными, расширенными от ужаса зрачками. Впрочем, большинство попавшихся впервые выглядели именно так. Бернтсену пришлось потратить немало времени, прежде чем он установил, что Турд Шульц находится в аэропорту Осло. Дальше было легко. В полицейском регистре на Турда Шульца ничего не имелось, он никогда не вступал в контакт с полицией и – в соответствии с их собственными неофициальными разведанными – не был человеком, имеющим известные полиции связи в наркосреде.

– Кто вы?

– Я здесь по поручению тех, на кого ты работаешь, Шульц, и я сейчас говорю не об авиакомпании. А об остальном не думай. Договорились?

Шульц показал на удостоверение, висящее на шее у Бернтсена.

– Вы полицейский. Вы пытаетесь меня обмануть.

– Для тебя так было бы лучше, Шульц. Тогда можно было бы пожаловаться на нарушение процедуры и твой адвокат смог бы тебя освободить. Но мы разберемся без адвоката. Хорошо?

Летчик продолжал смотреть на него расширенными зрачками, поглощавшими весь свет и каждый проблеск надежды. Трульс Бернтсен вздохнул. Он мог только надеяться, что его слова дойдут до собеседника.

– Знаешь, кто такой сжигатель? – спросил Бернтсен и продолжил, не дожидаясь ответа: – Это человек, разваливающий полицейские дела. Он заботится о том, чтобы испортить или уничтожить доказательства, чтобы во время расследования совершались ошибки, благодаря которым дело невозможно довести до суда, или чтобы следствие совершало банальные просчеты, позволяющие задержанному выйти на свободу. Ты меня понимаешь?

Шульц дважды моргнул. И медленно кивнул.

– Прекрасно, – произнес Бернтсен. – Дело обстоит так, что сейчас мы – два падающих человека, у которых всего один парашют. Я только что выпрыгнул из самолета, чтобы спасти тебя, и пока не благодари меня за это, потому что сейчас тебе необходимо на все сто

процентов положиться на меня, а иначе мы оба разобьемся. Carisce?^[17]

Снова мигание. Нет, не понимает.

– Жил да был один немецкий полицейский, сжигатель. Он работал на банду косовских албанцев, которые импортировали героин балканским путем. Нар котики везли грузовиками с опийных полей Афганистана в Турцию, переправляли через бывшую Югославию в Амстердам, а оттуда албанцы доставляли их в Скандинавию. Им приходилось пересекать множество границ и платить большому количеству людей. Включая этого сжигателя. И в один прекрасный день молодого косовского албанца взяли с баком, полным опия-сырца, – пакеты были даже не упакованы, а просто брошены в бензин. Его арестовали, и в тот же день косовские албанцы связались со своим немецким сжигателем. Он пошел к молодому албанцу, объяснил, что будет его сжигателем и что надо успокоиться, потому что он решит все вопросы. Сжигатель пообещал вернуться на следующий день и рассказать, какие объяснения водитель должен дать полиции. Все, что ему надо было делать до этого, – помалкивать. Но парень был новичком, его никогда раньше не вязали. Наверное, он слышал слишком много историй о том, что значит нагнуться за мылом в тюремном душе. Во всяком случае, уже на первом допросе он раскололся, как яйцо в микроволновке, и рассказал про сжигателя в надежде получить за это награду от судьбы. Вот. Чтобы получить доказательства против сжигателя, полиция установила в камере скрытый микрофон. Но сжигатель, коррумпированный полицейский, на встречу не явился. Его нашли спустя шесть месяцев. Кусочки его тела были разбросаны по тюльпанному полю. Я-то парень городской, но слышал, что это эффективное удобрение.

Бернтсен замолчал и посмотрел на командира экипажа в ожидании обычного вопроса.

Летчик выпрямился на нарах, лицо его немного порозовело, а голос стал более звонким:

– Почему, э-э, сжигатель? Не он ведь всех сдал.

– Потому что справедливости не существует, Шульц. Только необходимые решения практических проблем. Сжигатель, который должен был уничтожить доказательства, сам стал доказательством. Его разоблачили, и если бы он попал в руки полиции, то смог бы вывести следователей на косовских албанцев. Поскольку сжигатель был не албанским братом, а всего лишь платным мудаком, представлялось логичным устранить его. К тому же они знали, что расследованию этого убийства не будет уделяться слишком много внимания. С какой стати? Сжигатель уже наказан, а полиция не будет вести следствие, единственным результатом которого станет привлечение общественного внимания еще к одному случаю коррупции в рядах полиции. Согласен?

Шульц не ответил.

Бернтсен наклонился вперед. Голос его стал тише, но напряженнее:

– Я не хочу, чтобы меня нашли на тюльпанном поле, Шульц. И избежать этого мы сможем, только если будем доверять друг другу. Всего один парашют. Понятно?

Летчик покашлял:

– А как насчет косовского албанца? Ему скостили срок?

– Трудно сказать. Накануне суда он был найден висящим на стене в своей камере. Кто-то подвесил его на крючок за затылок, это точно.

Командир экипажа снова поблел.

– Дыши, Шульц, – произнес Трульс Бернтсен.

Вот что ему больше всего нравилось в этой работе. Ощущение, что хотя бы сейчас ситуацию контролирует он.

Шульц откинулся назад, прислонил голову к стене и закрыл глаза.

– А если я сейчас откажусь от помощи и мы сделаем вид, что вас здесь не было?

– Не поможет. Твой и мой работодатель не хочет видеть тебя в суде на свидетельском месте.

– Другими словами, вы хотите сказать, что у меня нет выбора?

Бернтсен улыбнулся. И произнес свою любимую фразу:

– Выбор, Шульц, – это роскошь, которой у тебя давно нет.

Стадион «Валле Ховин». Маленький бетонный оазис в пустыне зеленых лужаек, берез, садов и увитых цветами веранд. В зимнее время года здесь тренировались конькобежцы, а летом стадион превращался в концертную арену, где в основном выступали динозавры вроде «Роллинг Стоунз», Принса, Брюса Спрингстина. Однажды Ракель даже уговорила Харри сходить на концерт «U2», хотя он предпочитал слушать концерты в клубах, а не на стадионах. А потом она дразнила Харри тем, что в глубине души он был музыкальным консерватором.

Большую же часть времени «Валле Ховин» оставался таким, как сейчас, – пустынным, запущенным, похожим на закрытую фабрику, производившую товар, необходимость в котором со временем отпала. Самые приятные воспоминания Харри об этом месте были связаны с тренировками Олега. Просто сидеть и смотреть, как он бежит. Борется. Проигрывает. Проигрывает. И наконец выигрывает. Не слишком много: лучшее время дня, второе место на клубных соревнованиях в разных возрастных категориях. Но более чем достаточно для того, чтобы глупое сердце Харри раздувалось до таких размеров, что ему приходилось изображать равнодушие на лице, чтобы не ставить их обоих в неудобное положение, «совсем неплохо, Олег».

Харри огляделся. Никого. Тогда он вставил ключик фирмы «Винг» в замок двери, ведущей в подтрибунную раздевалку. Внутри все было как раньше, только стало еще более обветшалым. Он прошел в мужское отделение. На полу валялся мусор, и все говорило о том, что люди бывают здесь нечасто. Место, где можно побыть одному. Харри шел вдоль шкафчиков. Большинство из них были не заперты. Но вот он заметил то, что искал: навесной замок «Абус».

Он приставил ключ к отверстию в замке. Не подходит. Черт!

Харри повернулся. Еще раз оглядел ряды помятых железных шкафчиков. Остановил взгляд и перевел его на предыдущий шкафчик. Там тоже висел навесной замок «Абус». И на зеленой краске был нацарапан круг. «О».

Первое, что увидел Харри, сняв замок, были коньки Олега. Лезвия длинных тонких полозьев, как сыпь, покрывала ржавчина.

На внутренней стороне дверцы между вентиляционными отверстиями висели две фотографии. Две семейные фотографии. На одной было изображено пять лиц. Двое детей и, вероятно, их родители были ему незнакомы. А вот третьего ребенка Харри узнал. Потому что только что видел его на других фотографиях. На фотографиях с места преступления.

Это был красавчик. Густо Ханссен.

У Харри почему-то возникло ощущение, что Густо лишний на этом снимке. Вернее, что он не принадлежит к заснятой семье. Не из-за красоты ли?

А вот высокий светловолосый мужчина, сидящий на второй фотографии позади брюнетки и ее сына, лишним, как это ни удивительно, не казался. Снимок был сделан осенним днем несколько лет назад. Они ходили гулять на Хольменколлен, бродили по

опавшей рыжей листве, и Ракель, поставив свой маленький фотоаппарат в режим съемки с задержкой, водрузила его на камень.

Неужели это он? Харри не помнил, когда выражение его лица было таким мягким, как на этой фотографии.

Глаза Ракели сияли, и ему казалось, что он слышит ее смех, – смех, который он так любил, который никогда ему не надоедал, который он всегда старался вызвать. С другими она тоже смеялась, но, когда она была с ним и Олегом, смех ее имел немного иное звучание, принадлежавшее только им с Олегом.

Харри обшарил шкафчик.

Там лежал белый свитер с голубой окантовкой. Олег такие не носит, он ходит в коротких куртках и черных футболках с надписями «Slayer» и «Slipknot». Харри понюхал свитер. Легкий запах женских духов. На шляпной полке – пластиковый пакет. Он открыл его. Задержал дыхание. Рабочие инструменты наркомана: два шприца, ложка, резинка, зажигалка и вата. Единственное, чего не хватало, – дури. Харри уже собирался положить пакет на место, как вдруг заметил кое-что еще. В глубине шкафчика лежала футболка. Красно-белая. Он достал ее. Это была часть футбольной формы с призывом, написанным на груди: «Летайте Эмиратскими авиалиниями». «Арсенал».

Харри посмотрел на фотографию с Олегом. На фотографии даже он улыбался. Улыбался, как будто верил, по крайней мере в том месте и в то время, что все хорошо, все будет отлично, мы хотим, чтобы и дальше все было так же. Почему же все улетело в тартарары? Почему тот, кто сидел за рулем, опрокинул машину в кювет?

«Как когда ты врал, что всегда будешь с нами».

Харри оторвал обе фотографии от дверцы шкафа и засунул их во внутренний карман.

Когда он вышел на улицу, солнце уже пряталось за горой Уллерносен.

Ты видишь, папа, что я истекаю кровью? Это твоя поганая кровь. И твоя кровь, Олег. Это по тебе должны были звонить церковные колокола. Я проклинаю тебя, проклинаю день, когда познакомился с тобой. Ты был на концерте группы «Judas Priest» в «Спектруме». Я ждал снаружи, чтобы влиться в выходящую из концертного зала толпу.

– Ух ты, клевая футболка, – сказал я. – Где взял?

Ты странно посмотрел на меня.

– В Амстердаме.

– Ты был на концерте «Judas Priest» в Амстердаме?

– А что?

Я ни хрена не знал про «Judas Priest», но успел выяснить, что это группа, а не один чувак и что вокалиста зовут Роб и как-то там дальше.

– Круто! «Priest» рулит!

Ты на мгновение застыл и поднял на меня глаза. Взгляд настороженный, как у зверя, почуявшего что-то. Опасность, добычу, спарринг-партнера. Или, как в твоём случае, задушевного друга. Потому что ты нес свое одиночество, как тяжелое мокрое пальто, Олег, согнув спину и шаркая ногами. Я выбрал тебя именно из-за этого одиночества. Я сказал, что просто сдохну от восторга, если ты расскажешь о своем амстердамском приключении.

И ты поведал мне о «Judas Priest», о концерте в зале «Хайнекен» два года назад, о двух твоих приятелях восемнадцати и девятнадцати лет, которые застрелились из дробовика, послушав пластинку «Priest», содержащую тайное послание «сделай это». И только один из них выжил. Группа играла тяжелый металл, но пробовала себя и в спид-металле. И через двадцать минут ты рассказал так много о готах и смерти, что пора было завести речь о метамфетаминах.

– А не взмыть ли нам ввысь, Олег? Отметить встречу двух родственных душ. Ты как?

– Ты о чем?

– Знаю одну тусовку, которая собиралась сегодня покурить в парке.

– Да? – прозвучало скептически.

– Ничего серьезного, просто айс.

– Я этим не балуюсь, sorry.

– Черт, да я тоже этим не балуюсь. Просто сделаем по затылке. Ты и я. Настоящий айс. Не какое-то порошковое говно. Будем как Роб.

Олег замер, не успев глотнуть колы из бутылки.

– Роб?

– Ну да.

– Роб Хэлфорд?

– Ну конечно. Его кореша берут у того же парня, у которого мы сейчас прикупим. Бабло есть?

Я произнес это легко, так легко и естественно, что даже твоя подозрения не проскользнуло в его серьезном взгляде:

– Роб Хэлфорд курит айс?

Он вынул пятьсот крон, которые я попросил. Я велел ему подождать, встал и ушел.

Перешел через дорогу и двинулся по направлению к мосту Ватерланд. Потом, когда он уже не мог меня видеть, я свернул направо, перешел через дорогу и прошел три ста метров до Центрального вокзала Осло. И думал, что больше никогда не увижу этого долбаного Олега Фёуке.

И только когда я сидел в тоннеле под перронами и курил, я понял, что мы с Олегом еще не закончили. Далеко не закончили. Он молча остановился возле меня. Прислонился спиной к стене и соскользнул на пол рядом со мной. Протянул руку. Я дал ему сигарету. Он затянулся. Закашлялся. Протянул другую руку:

– Сдачу.

После этого появилась команда Густо и Олега. Каждый день после окончания смены в магазине «Клас Ульсон», где он подрабатывал летом складским рабочим, мы шли в центр Осло, на природу, купались в грязной воде в Средневековом парке и смотрели, как строят новый городской район вокруг Оперы.

Мы рассказывали друг другу обо всем: о том, что мы сделаем, и кем станем, и куда поедем, – и курили и нюхали все, что могли купить на его зарплату.

Я рассказал ему о своем приемном отце, который выкинул меня из дома, потому что приемная мать положила на меня глаз. А ты, Олег, рассказал о мужике, с которым встречалась твоя мать, о легавом по имени Харри. По твоему утверждению, он был клевым чуваком, на него можно было положиться. Но что-то пошло не так между ним и твоей матерью. А потом они оказались втянутыми в убийство, которое он расследовал. И тогда вы с матерью переехали в Амстердам. Я сказал, что мужик наверняка был клевым чуваком, но выраженьице это какое-то старомодное. А ты сказал, что «хренов» звучит еще старомоднее, и кто сказал мне, что слово «хренов» звучит не по-детски? И почему я говорю преувеличенно пролетарским языком, я ведь даже не из восточного Осло. Я ответил, что преувеличение – это мой принцип, и что в этом все дело, и что слово «хренов» такое неуместное, что оно явно на своем месте в моей речи. А Олег посмотрел на меня и сказал, что это я такой неуместный и что я явно на своем месте. Солнце светило, и мне казалось, что лучше обо мне никто никогда не говорил.

Мы попрошайничали на улице Карла Йохана просто для развлечения, я стырил скейтборд на Ратушной площади и через полчаса поменял на спид на Привокзальной. Мы сели на паром и поехали на остров Хуведёйя, купались и клянчили пиво. Некие дамочки пригласили меня на папину яхту, а ты сиганул с мачты, покинул, так сказать, палубу. Мы поехали на трамвае в Экеберг, чтобы посмотреть на закат, а там шел детский футбольный турнир «Кубок Норвегии», и грустный футболист из Трёнделага посмотрел на меня и сказал, что даст мне тысячу, если я у него отсосу. Он отсчитал бабки, а я подождал, пока он спустит штаны ниже колен, и убежал. Ты рассказывал потом, что он выглядел совершенно потерянным и повернулся к тебе, как будто хотел попросить тебя доделать дело. Блин, как же мы ржали!

То лето не хотело кончатся. Но все равно закончилось. Последнюю твою зарплату мы потратили на косячок и выкурили его, выдувая дым в бледное пустое ночное небо. Ты сказал, что снова начинаешь учиться, будешь зарабатывать отличные оценки и изучать право, как твоя мать. И что потом ты поступишь в хренову Полицейскую академию! Ржали до слез.

Но когда начались занятия, я стал видеть тебя реже. Потом еще реже. Ты жил в районе Хольменколлосен у матери, я же перебивался на матрасе в репетиционном зале одной группы. Ребята сказали, что я могу оставаться там, если буду присматривать за

оборудованием и убираться на время их репетиций. И я стал забывать о тебе, подумал, что ты вернулся к своей прежней нормальной жизни. И приблизительно тогда я начал приторговывать.

На самом деле это началось совершенно случайно. Я увел денежки у одной дамочки, у которой ночевал. Потом пошел на вокзал и спросил, есть ли у Туту айс. Туту слегка заикался, он был рабом Одина, предводителя банды «Лос Лобос» из Алнабру. Он получил свою кличку в тот раз, когда Одину потребовалось отмыть чемодан наркобабла и он отправил Туту в официальную букмекерскую контору в Италии, чтобы поставить на конкретный футбольный матч. Один знал, что матч договорной и что принимающая команда должна была выиграть со счетом 2:0. Он долго учил Туту правильно произносить по-английски «ту-нилл», но Туту так нервничал и заикался, стоя у окна, что букмекер услышал «ту-ту» и так и записал в квитанции. За две минуты до конца матча принимающая команда вела со счетом 2:0, и все были спокойны. Кроме Туту, который внезапно прочитал на корешке квитанции, что поставил деньги на счет 2:2. Он знал, что за это Один прострелит ему колено. Один прекрасно умеет простреливать людям колени. Но в этой истории случился второй поворот. На скамейке запасных принимающей команды сидел недавно приобретенный польский нападающий, который так же плохо говорил по-итальянски, как Туту по-английски. Он не понял, что о результате матча договорились заранее. И когда менеджер отправил его на поле, он прекрасно сделал то, за что, по его мнению, ему платили, – забил. Два раза. Туту был спасен. Но когда тем же вечером Туту приземлился в Осло и отправился напрямик к Одину, чтобы рассказать о своем фантастическом везении, удача от него отвернулась. Ведь он начал с того, что преподнес плохие новости: что он облажался и поставил деньги не на тот результат. Он был так возбужден и так сильно заикался, что Один потерял терпение, достал из ящика револьвер и – третий поворот – прострелил Туту колено задолго до того, как он рассказал о польском нападающем.

Как бы то ни было, в тот день у вокзала Туту сказал, что айса теперь н-н-не достать и мне придется довольствоваться п-п-порошком: и дешевле, и тот же метамфетамин. Но вот этого я не выношу. Айс – это белые прекрасные кристаллики, от которых у меня сносит крышу, а желтое вонючее порошковое говно, которое продается в Осло, смешивают с мукой, манкой, аспирином, витаминами B₁₂ и хрен знает с чем еще. Или для гурманов – с толчеными обезболивающими таблетками, по вкусу похожими на спид. Но я купил то, что было, с микроскопической скидкой, и у меня еще остались деньги на «перчик». А поскольку амфетамин по сравнению с метамфетамином – настоящее здоровое питание, только действует немного медленнее, я нюхнул спиду, разбодяжил метамфетамин мукой и продал его на Плате за приличные бабки.

На следующий день я снова пошел к Туту и проделал ту же операцию, купив на этот раз чуть больше. Нюхнул, смешал, излишки продал. То же самое на следующий день. Я сказал, что мог бы взять немного больше, если бы он дал мне в долг до завтра, но он только заржал в ответ. Когда я пришел к нему на четвертый день, Туту заявил, что его шеф сказал, нам пора работать более о-о-организованно. Они видели, как я толкал, и увиденное им понравилось. Если я продам две дозы в день, в мой карман упадет пять тысяч. Так я стал одним из уличных дилеров Одина из «Лос Лобос». Я получал дурь от Туту утром, а в пять часов сдавал дневную выручку и остатки товара. Дневная смена. Остатков у меня не было.

Все шло хорошо недели три. Среда, пристань Виппетанген. Я толкнул две дозы,

карманы были забиты бабками, а нос – спидам, и внезапно я не нашел ни одной причины встречаться с Туту у вокзала. Тогда я отправил эсэмэску о том, что ухожу в отпуск, и сел на паром, идущий в Данию. Это такая потеря концентрации, которая случается, если слишком долго ходить в тесных кроссовках.

Вернувшись, я услышал, что Один меня разыскивает. И это слегка меня насторожило, поскольку я уже знал, как Туту получил свою кличку. Так что я держался в тени, болтался в районе Грюнерлёкка. Ожидал судного дня. Но у Одина появились заботы гораздо более серьезные, чем один дилер, задолжавший ему несколько тысяч. В городе началась конкуренция. «Человек из Дубая». И не на рынке кроссовок, а на рынке героина, который был главной статьей дохода «Лос Лобос». Кто-то говорил, что это белорусы, другие – что литовцы, третьи – что это норвежский пакистанец. Единственное, что было известно всем, – это то, что операция по захвату рынка была произведена профессионально, что эти люди ничего не боялись и что чем меньше о них знаешь, тем лучше.

Говенная выдалась осень.

Я давно потратил все бабло, у меня больше не было работы, и мне приходилось скрываться. Я нашел покупателя на оборудование группы, в репетиционном зале которой на улице Биспегата я жил. Он пришел и все осмотрел, пребывая в полной уверенности, что оборудование принадлежит мне, я ведь там жил! Оставалось только договориться о вывозе. И тогда, как ангел-спаситель, появилась Ирена. Веснушчатая добрая Ирена. Одним октябрьским утром я был занят с парнями в Софиенборг-парке и внезапно увидел перед собой ее, улыбающуюся от радости. Я спросил, есть ли у нее деньги, а она помахала у меня перед носом карточкой «VISA», принадлежавшей ее отцу, Рольфу. Мы дошли до ближайшего банкомата и сняли все деньги с его счета. Ирена сначала не хотела, но, когда я объяснил, что от этого зависит моя жизнь, она поняла, что надо. Тридцать одна тысяча. Мы пошли в «Олимпен», поели и выпили, купили несколько граммов спида и поехали домой в район Биспелокке. Она сказала, что поссорилась с мамой. Осталась на ночь. На следующий день я взял ее с собой на Привокзальную площадь. Туту в кожаной куртке с волчьей мордой, изображенной на спине, сидел на мотоцикле. Туту с длинной бородой, банданой на голове и татуировками, торчащими из выреза футболки, все равно выглядел хреновым мальчиком на побегушках. Он уже хотел было спрыгнуть с мотоцикла и побежать за мной, когда понял, что я направляюсь к нему. Я отдал ему двадцать тысяч долга и пять тысяч в качестве процентов. Поблагодарил за то, что он одолжил денег мне на отпуск. И выразил надежду, что мы сможем начать наше общение с чистого листа. Туту позвонил Одину, разглядывая Ирену. Я видел, чего он хочет. И тоже посмотрел на Ирену. Бедную, прекрасную, бледную Ирену.

– Один говорит, что хочет еще п-п-пять тысяч, – сказал Туту. – Если нет, то у меня приказ и-и-и-из-из... – Он сделал вдох.

– Избить тебя, – закончил я.

– Здесь и сейчас, – сказал Туту.

– Хорошо, я продам сегодня две дозы.

– За них тебе придется за-за-заплатить.

– Да ладно тебе, я толкну их за пару часов.

Туту посмотрел на меня. Кивнул в сторону Ирены, которая стояла и поджидала меня у лестницы, ведущей на Привокзальную площадь.

– А как с н-н-ней?

– Она мне помогает.

– Из девчонок выходят хорошие д-д-дилеры. Она подсела?

– Еще нет, – ответил я.

– Во-вор, – сказал Туту, беззубо осклабившись.

Я пересчитал деньги. Последние. Бабки всегда последние. Кровь, вытекающая из меня.

Неделей позже у «Эльм-Стрит-рок-кафе» перед нами с Иреной остановился один парень.

– Познакомься с Олегом, – сказал я, спрыгивая со стены. – Познакомься с моей сестрой, Олег.

И я обнял его. Я понял, что он не опустил голову, что он смотрит через мое плечо. На Ирену. И даже сквозь его джинсовую куртку я почувствовал, как быстро забилося его сердце.

Полицейский Бернтсен сидел, положив ноги на стол и прижимая к уху телефонную трубку. Он позвонил в полицейский участок Лиллестрём полицейского округа Румерике и представился Роем Лундером, лаборантом Крипоса. Дежурный, с которым он разговаривал, только что подтвердил, что они получили из Гардермуэна пакет с тем, что предположительно являлось героином. Согласно процедуре все конфискованные по всей стране наркотики посылались на анализ в лабораторию Крипоса, расположенную в районе Брюн в Осло. Раз в неделю автомобиль Крипоса объезжал полицейские участки Восточной Норвегии и собирал наркотики. Другие полицейские участки посылали конфискованное с собственным курьером.

– Хорошо, – сказал Бернтсен, поигрывая фальшивым удостоверением с его фотографией и написанным под ней именем «Рой Лундер». – Мне все равно надо в Лиллестрём, так что я возьму пакет с собой в Брюн. Эту большую партию мы хотим обработать как можно скорее. В таком случае до завтра.

Он положил трубку и посмотрел в окно, на новый городской район, растущий ввысь вокруг залива Бьёрвика. Он думал о мельчайших деталях: размер шурупов и гаек, качество строительного раствора, подвижность оконных стекол – обо всем, что должно сочетаться друг с другом, чтобы единое целое функционировало. И испытывал чувство глубокого удовлетворения. Потому что так все и было. Этот город функционировал.

Длинные лапы сосен, похожие на женские ножки, скрывала юбка из зелени, отбрасывающей слабую послеполуденную тень на засыпанную гравием открытую площадку перед домом. Харри стоял у начала подъездной дороги, вытирая пот после подь ема по крутому берегу озера Хольмендаммен, и смотрел на темный дом. Покрытые черной морилкой тяжелые бревна производили впечатление надежности, солидной защиты от троллей и природы. Но они не выдержали. Соседние дома представляли собой огромные, не слишком элегантные виллы, постоянно расширяющиеся и достраиваемые. Эйстейн, фигурирующий в записной книжке как «Э», сказал, что бревенчатый дом является олицетворением тоски зажиточной буржуазии по природе, простоте и естественности. Харри же видел только больное и извращенное – видел, как серийный убийца берет в осаду одну семью. И все-таки она решила сохранить дом.

Харри подошел к двери и позвонил.

Внутри раздались тяжелые шаги. И в этот момент Харри понял, что ему надо было сначала позвонить по телефону.

Дверь открылась.

Мужчина, стоявший перед ним, тряхнул светлой челкой, которая в юности была густой и наверняка давала своему обладателю определенные преимущества, за что он прихватил ее во взрослую жизнь, надеясь, что слегка увядший ее вариант будет действовать как и раньше. Мужчина был одет в выглаженную голубую рубашку, подобные которой, вероятно, носил в юности.

– Да? – сказал он.

Открытое дружелюбное лицо. Глаза, будто бы незнакомые ни с чем, кроме дружелюбия. На кармашке маленькая нашивка в виде гольфиста.

Харри почувствовал, как у него пересохло в горле. Он быстро скользнул взглядом по табличке под кнопкой звонка.

«Ракель Фёуке».

И тем не менее этот мужчина с красивым слабовольным лицом стоял, прижимая к себе дверь, будто она была его собственностью. Харри знал, что для завязки разговора вполне можно сказать какую-нибудь нормальную фразу, но выбрал эту:

– Вы кто?

Мужчине, стоявшему перед ним, удалось придать своему лицу выражение, какое никогда не получалось у Харри. Он одновременно нахмурился и улыбнулся. Проявил снисходительное превосходство по отношению к наглости более слабого.

– Раз уж вы стоите снаружи, а я внутри, то будет более логичным, если вы скажете, кто вы. И что вам нужно.

– Как пожелаете, – ответил Харри, громко зевнув. Это можно было, конечно, списать на смену часовых поясов. – Я пришел сюда, чтобы поговорить с той, чье имя написано на этой табличке.

– И откуда вы?

– От Свидетелей Иеговы, – сказал Харри, бросив взгляд на часы.

Его собеседник автоматически оторвал взгляд от Харри, чтобы поискать обязательного спутника Свидетеля Иеговы.

– Меня зовут Харри, и я прилетел из Гонконга. Где она?

Мужчина поднял бровь:

– Тот самый Харри?

– Поскольку это имя на протяжении последних пятидесяти лет принадлежит к наименее популярным в Норвегии, можем считать так.

Собеседник изучал Харри, кивая и не переставая улыбаться, как будто мозг его проигрывал полученную информацию о человеке, стоявшем перед ним. Но он не собирался отходить от входной двери или отвечать на вопросы Харри.

– Ну и? – спросил Харри, переминаясь с ноги на ногу.

– Я передам ей, что вы приходили.

Харри быстро просунул ногу между дверью и косяком. Он автоматически немного приподнял подошву, чтобы удар пришелся на подметку, а не на верхнюю часть кожаного ботинка. Таким вещам его научила новая профессия. Собеседник посмотрел на ногу Харри и поднял на него глаза. Снисходительное превосходство исчезло. Он хотел что-то сказать. Что-то резкое, чтобы поставить Харри на место. Но Харри знал, что он передумает. Когда прочитает на лице Харри то, что заставит его передумать.

– Вам надо... – сказал мужчина. Замолчал. Моргнул.

Харри ждал. Замешательства. Смятения. Отступления. Мужчина моргнул еще раз и прокашлялся:

– Ее нет дома.

Харри стоял, не открывая рта. В звенящей тишине. Две секунды. Три секунды.

– Я... э-э, не знаю, когда она вернется.

На лице Харри не дрогнул ни мускул, в то время как на лице другого мужчины одно выражение сменяло другое, словно в поисках того, за которое можно спрятаться. Поиск закончился там, где и начался, – на дружелюбном выражении.

– Меня зовут Ханс Кристиан. Я... я прошу прощения, что мне пришлось быть таким нелюбезным. Но по этому делу мы получаем так много разных обращений, что Ракели сейчас важно немного побыть в покое. Я ее адвокат.

– Ее?

– Их. Ее и Олега. Хотите зайти?

Харри кивнул.

На столике в гостиной лежали кипы бумаг. Харри подошел к ним. Документы по делу. Отчеты. Высота кипы свидетельствовала о том, что расследование было всеобъемлющим и долгим.

– Можно поинтересоваться причиной вашего визита? – спросил Ханс Кристиан.

Харри листал документы. Анализы ДНК. Свидетельские показания.

– Ну ладно, а ты?

– Что?

– А ты зачем здесь? Разве у тебя нет офиса, где бы ты мог готовиться к защите?

– Ракель захотела участвовать, она все-таки юрист. Послушайте, Холле. Я прекрасно знаю, кто вы такой и как вы были близки с Ракелью и Олегом, но...

– А насколько ты близок с ними?

– Я?

– Да. Я слушаю тебя, и мне кажется, что ты принял на себя заботы о многих сторонах их жизни.

Харри услышал в своем голосе нотки недовольства и понял, что выдал себя. Другой мужчина посмотрел на него с удивлением. И Харри осознал, что потерял преимущество.

– Мы с Ракелью – старые друзья, – сказал Ханс Кристиан. – Я вырос здесь неподалеку, мы вместе учились на юридическом, и... да. Когда люди проводят лучшие годы жизни бок о бок, между ними возникают прочные связи.

Харри кивнул. Знал, что ему надо помалкивать. Знал: что бы он ни сказал, будет только намного хуже.

– Ммм. Но немного странно, что я ничего не слышал об этих связях, когда мы с Ракелью были вместе.

Ханс Кристиан не успел ответить. Дверь открылась. На пороге стояла она.

Харри почувствовал, как в сердце ему вонзился коготь и начал рвать его. Она была такой же, как раньше: стройная, прямая. С таким же лицом, по форме напоминающим сердечко, с темно-кариими глазами и большим ртом, который так охотно смеялся. Почти с такими же волосами, длинными, только не такими темными, немного поблекшими. А вот взгляд изменился. Он превратился во взгляд загнанного зверя, нервный, диковатый. Но когда она посмотрела на Харри, что-то в ее глазах стало прежним. Он увидел отблеск того, какой она была раньше. Какими они были раньше.

– Харри, – произнесла она.

И при звуках ее голоса все остальное стало таким же, как раньше.

Он сделал два широких шага и заключил ее в объятия. Запах ее волос. Ее пальцы на его позвоночнике. Она первой разомкнула руки. Он сделал шаг назад, не сводя с нее глаз.

– Ты хорошо выглядишь, – сказала она.

– Ты тоже.

– Врунишка.

По ее губам скользнула быстрая улыбка. А глаза уже наполнились слезами.

Так они и стояли. Харри позволил ей изучить себя, позволил разглядеть состарившееся на три года лицо с новым шрамом.

– Харри, – повторила она и, склонив голову набок, рассмеялась.

Первая слезинка зацепилась за ее ресницу и сорвалась вниз, прочертив полоску на мягкой коже.

Где-то в комнате кашлянул мужчина с гольфистом на рубашке и сказал, что опаздывает на какую-то встречу.

И они остались вдвоем.

Пока Ракель готовила кофе, Харри заметил, как она скользнула взглядом по его металлическому протезу, но никто из них не высказал комментариев на этот счет. По некому уговору они решили никогда не говорить о Снеговике. Поэтому Харри сидел за столом на кухне и рассказывал о своей новой жизни в Гонконге. Рассказывал то, что мог и что хотел. Что работа «советником Хермана Ключита по взиманию задолженностей» заключалась в визитах к должникам, просрочившим платежи, с целью вежливо напомнить им об этом. Короче говоря, он советовал им заплатить как можно скорее. Харри рассказал, что его главным и единственным преимуществом были сто девяносто три сантиметра роста (и это без обуви), широкие плечи, налитые кровью глаза и свежий шрам на лице.

– Дружелюбно, профессионально. Костюм, галстук, мультинациональные компании в Гонконге, Шанхае и на Тайване. Отельные номера с обслуживанием. Красивые офисные

здания. Все цивилизованно, банковская деятельность а-ля Швейцария с китайской спецификой. Западные рукопожатия и вежливые приветствия. И азиатские улыбки. В большинстве случаев они платят на следующий день. Херман Ключит доволен. Мы понимаем друг друга.

Она разлила кофе по чашкам и села. Вздохнула.

– Я нашла работу в международном трибунале в Гааге, но офис располагался в Амстердаме. Я подумала, что если мы уедем из этого дома, из этого города, от всего того внимания, от...

«От меня», – подумал Харри.

– ...воспоминаний, то нам будет лучше. Поначалу так оно и было. А потом началось. Сначала беспричинные вспышки ярости. Когда Олег был маленьким, он никогда не повышал голоса. Ворчал, да, но чтобы так... Говорил, что я испортила ему жизнь, увезя из Осло. Он говорил так, потому что знал: мне нечего сказать в оправдание. А когда я начинала плакать, он тоже плакал. Спрашивал, почему я прогнала тебя, ведь это ты спас нас от... от...

Он кивнул, и ей не пришлось произносить имя вслух.

– Он начал поздно возвращаться домой. Встречался с приятелями, с которыми я не была знакома. Однажды признался, что был в кофейне на Лидсеплейн и курил хэш.

– Как и все туристы?

– Вот именно, это же часть обязательной программы при посещении Амстердама, подумала я. Но одновременно испугалась. Его отец... ну, ты знаешь.

Харри кивнул. Русская семья из высшего общества со стороны отца. Пьянство, ярость, депрессии. Прямо как у Достоевского.

– Он часто сидел один у себя в комнате и слушал музыку. Тяжелые, мрачные вещи. Да, ну ты знаешь эти группы...

Харри снова кивнул.

– Но и твои диски тоже. Фрэнка Заппу. Майлза Дэвиса. «Supergrass». Нила Янга. «Supersilent».

Ракель быстро сыпала именами, и Харри заподозрил, что она тоже слушала его диски.

– И вот в один прекрасный день я пылесосила в его комнате и нашла две таблетки со смайликами.

– Экстези?

Она кивнула.

– Через два месяца я подала заявку, получила место в госпрокуратуре и переехала обратно.

– В безопасный невинный Осло.

Ракель пожала плечами.

– Ему надо было сменить обстановку. Начать заново. И все получилось. Он не из тех людей, у кого много друзей, но он восстановил отношения с парой старых знакомых, хорошо учился, пока...

Внезапно голос ее задрожал и сломался.

Харри ждал. Она сделала глоток кофе. Собралась.

– Он мог исчезнуть на несколько дней. Я не знала, что мне делать. Он делал что хотел. Я звонила в полицию, психологам, социологам. Он был несовершеннолетним, и тем не менее никто ничего не мог предпринять, пока у меня не было доказательств того, что он принимает наркотики или совершает правонарушения. Я чувствовала себя совершенно беспомощной. Я!

А ведь я всегда считала, что в таких случаях вина лежит на родителях, и всегда знала, как поступить, если оступились чужие дети. Не сидеть сложа руки, не медлить. Действовать!

Харри посмотрел на ее руку, лежащую на столе рядом с его. Изящные пальцы. Красивые вены на бледной коже, которая обычно в начале осени еще хранила следы загара. Но он не поддавался импульсу накрыть ее руку своей. Что-то мешало ему. Олег мешал ему. Она вздохнула.

– И я поехала в центр и стала искать его. Вечер за вечером. Пока не нашла. Он стоял у перекрестка на улице Толлбугата и был рад меня видеть. Сказал, что он счастлив. Что нашел работу и снимает квартиру вместе с друзьями. Что ему необходима свобода, и я не должна задавать слишком много вопросов. Что он «путешествует», это его вариант свободного года, предназначенного для кругосветного путешествия, в которое пускаются другие молодые люди из Хольменколлосена. Кругосветное путешествие по центру Осло.

– Во что он был одет?

– Что ты имеешь в виду?

– Ничего. Продолжай.

– Он сказал, что скоро вернется домой. И доучится. И мы договорились, что он придет ко мне на обед в воскресенье.

– Пришел?

– Да. А когда ушел, я обнаружила, что он заходил ко мне в спальню и украл шкатулку с драгоценностями. – Она тяжело вздохнула и поежилась. – В той шкатулке лежало кольцо, которое ты купил мне на площади Весткантторге.

– Весткантторге?

– Ты не помнишь?

Память Харри на бешеной скорости перематывалась назад. В ней имелись черные полосы беспамятства, белые, которые он не хотел видеть, и большие пустые пространства, выеденные алкоголем. Но были и цветные фактурные участки. Например, тот день, когда они бродили по блошиному рынку на Весткантторге. Был ли Олег с ними? Да, был, конечно. Разумеется. Фотография. Автоспуск. Осенняя листва. Или это было в другой день? Они ходили от лавки к лавке. Старые игрушки, посуда, ржавые ящики для сигар, виниловые пластинки в обложках и без, зажигалки. И позолоченное кольцо.

Оно казалось таким одиноким на прилавке. И Харри купил его и надел ей на палец. Чтобы у кольца появился новый дом, сказал он тогда. Что-то в этом духе. Что-то бредовое, что она могла принять за смущение, за завуалированное признание в любви. Может, так оно и было, во всяком случае, оба они рассмеялись. Из-за его поступка, из-за кольца, из-за того, что каждый знал, что другой тоже знает. И из-за того, что им было так хорошо. Потому что все, чего они хотели и одновременно не хотели, заключалось в этом потертом дешевом колечке. Обещание любить друг друга крепко и долго и расстаться, когда любовь уйдет. Но когда она в итоге оставила его, это произошло совершенно по другим причинам. По лучшим причинам. Но, заключил Харри, она сохранила их колечко, спрятала его в шкатулку с драгоценностями, унаследованными от австрийской мамы.

– Прогуляемся, пока солнце еще не спряталось? – спросила Ракель.

– Да, – сказал Харри, улыбаясь ей в ответ. – Давай.

Они пошли по дороге, ведущей к вершине плоскогорья. Лиственные деревья с восточной стороны были такими красными, что казались объятными пламенем. Свет играл на

поверхности фьорда, похожей на расплавленный металл. Но больше всего в городе, раскинувшемся внизу, Харри, как обычно, очаровывало созданное человеческими руками. Аспект муравейника. Дома, парки, дороги, краны, корабли в порту, начавший загораться повсюду свет. Машины и поезда, которым надо бежать в разные стороны. Сумма действий, которые мы производим. И вопрос, который может задать себе только тот, у кого имеется в распоряжении так много свободного времени, что он может остановиться и посмотреть на снующих муравьев: «Почему?»

– Я мечтаю только о мире и покое, – сказала Ракель. – Только об этом. А ты о чем мечтаешь? Что тебе снится?

Харри пожал плечами.

– Что я нахожусь в узком коридоре, по которому летит снежная лавина и погребает меня.

– Уфф.

– Ладно. Ты же знаешь, у меня клаустрофобия.

– Нам часто снится то, чего мы боимся и одновременно желаем. Исчезнуть, быть погребенными. Тогда ведь мы будем в безопасности, да?

Харри засунул руки глубже в карманы.

– Три года назад я попал под лавину. Так что все просто.

– Значит, несмотря на то, что ты уехал в Гонконг, тебя преследуют призраки?

– Да нет, – ответил Харри. – Ряды призраков поредели.

– Правда?

– Да. Какие-то вещи можно оставить в прошлом, Ракель. Искусство обращения с призраками заключается в том, чтобы долго и пристально смотреть на них и понять, что они просто призраки. Мертвые и бессильные призраки.

– Вот как, – произнесла Ракель таким тоном, что он понял: тема ей неприятна. – В твоей жизни есть женщины?

Вопрос прозвучал очень легко. Так легко, что он даже не поверил.

– Как сказать.

– А ты скажи.

Она надела солнцезащитные очки. Определить, как много она хочет услышать, было непросто. Харри решил обменять свой рассказ на предоставление аналогичной информации с ее стороны. Если он захочет узнать.

– Она была китайкой.

– Была? Она что, умерла? – Ракель игриво улыбнулась.

Харри подумал, что, кажется, для нее еще не слишком горячо. Но он предпочел бы, чтобы она вела себя немного поделикатнее.

– Деловая женщина из Шанхая. Она холит и лелеет свою гуанкси – сеть нужных связей. И богатого старого китайского мужа. И – когда представится случай – меня.

– То есть, другими словами, ты пользуешься ее геном заботы?

– Хорошо, если бы это было так.

– О?

– Она выдвигает крайне специфические требования относительно места и времени. И способа. Ей нравится...

– Достаточно! – произнесла Ракель.

Харри криво улыбнулся.

– Как тебе известно, я всегда питал слабость к женщинам, которые знают, чего хотят.

– Я сказала, достаточно.

– Понял.

Они шли молча. Пока Харри в конце концов не произнес вслух слова, написанные крупными буквами в воздухе перед ними:

– А как насчет этого Ханса Кристиана?

– Ханс Кристиан Симонсен? Это адвокат Олега.

– Я никогда не слышал имени Ханс Кристиан Симонсен в связи с делами об убийствах.

– Он из нашего района. Мы учились на одном курсе на юридическом. Он пришел и предложил свои услуги.

– Ммм. Понятно.

Ракель рассмеялась.

– Я помню, что во время учебы он пару раз приглашал меня в рестораны. И хотел, чтобы я пошла с ним на курсы свинга.

– Бог ты мой.

Она засмеялась еще громче. Господи, как же он скучал по этому смеху!

Ракель подтолкнула его в бок:

– Как ты знаешь, я всегда питала слабость к мужчинам, которые знают, чего хотят.

– Ну да, – сказал Харри. – И что же хорошего они тебе сделали?

Она не ответила. Ей и не надо было отвечать. Вместо этого она наморщила переносицу между черными широкими бровями. Эти морщинки он обычно разглаживал указательным пальцем, как только они появлялись.

– Иногда лучше иметь преданного адвоката, чем опытного, который наперед знает, чем закончится дело.

– Ммм. Ты хочешь сказать, того, кто знает, что это безнадежное дело.

– А ты хочешь сказать, что мне надо было нанять кого-нибудь из старых усталых лошадок?

– На самом деле лучше всех работают чрезвычайно преданные.

– Это всего лишь маленькое убийство в наркоманской среде, Харри. Лучшие заняты престижными делами.

– И что же Олег рассказал о случившемся своему преданному адвокату?

Ракель вздохнула.

– Что он ничего не помнит. И кроме этого, он не хочет говорить ни слова ни на какую тему.

– И на этом будет основываться ваша защита?

– Послушай, Ханс Кристиан – блестящий адвокат в своей области, он понимает суть дела. Он советуется с лучшими. И он на самом деле работает и днем и ночью.

– То есть, другими словами, ты пользуешься его геном заботы?

На этот раз Ракель не рассмеялась.

– Я мать. Это так просто. Я готова на все, что угодно.

Они остановились у опушки леса и уселись на толстый ствол поваленной сосны. Солнце, как полусдутый шарик на празднике 17 мая^[18], опускалось за верхушки деревьев на западе.

– Я понимаю, почему ты приехал, – сказала Ракель. – Но что именно ты задумал?

– Выяснить, можно ли поставить под сомнение вину Олега.

– Потому что?

Харри пожал плечами:

– Потому что я следователь. Потому что так организован наш муравейник. Потому что никого нельзя обвинять, если мы не уверены.

– А ты не уверен.

– Нет, я не уверен.

– И только поэтому ты здесь?

Тени елей подбирались к ним все ближе. Харри поежился в своем льняном костюме, его внутренний термостат еще не перестроился на 59,9 градуса северной широты.

– Странно, – сказал он, – но я помню только какие-то отрывочные моменты из всего того времени, что мы были вместе. Когда я вижу фотографии, то вспоминаю. Я вспоминаю нас такими, какими мы изображены на них. Хотя знаю, что это неправда.

Он посмотрел на нее. Она сидела, подперев подбородок ладонью. Солнце блестело в ее прищуренных глазах.

– Но может быть, именно для этого мы и фотографируемся, – продолжал Харри. – Чтобы получить фальшивые доказательства для подтверждения фальшивого заявления, что мы были счастливы. Потому что мысль о том, что мы никогда не были счастливы, совершенно невыносима. Взрослые велят детям улыбнуться, заставляя их присоединиться ко лжи, и мы улыбаемся, утверждая, что мы счастливы. Но Олег никогда не мог улыбаться по приказу, если ему этого не хотелось, он не умел врать, не было у него такого дара.

Харри снова повернулся к солнцу и успел заметить, как последние солнечные лучи желтыми пальцами высунулись из-за верхушек елей на вершине плоскогорья.

– Я нашел фотографию нас троих на дверце его шкафчика в «Валле Ховин». И знаешь что, Ракель? На той фотографии он улыбается.

Харри уставился на ели. Из них как будто в одно мгновение высосали весь цвет, и теперь они стояли, развернувшись в боевой порядок, силуэтами гвардейцев в черных мундирах. Он почувствовал, как Ракель подошла, протиснула свою руку ему под локоть, положила голову ему на плечо, ощутил запах ее волос и прикосновение теплой щеки через льняную ткань.

– Мне не нужны фотографии, я и так помню, как мы были счастливы, Харри.

– Ммм.

– Может быть, он научился врать. Такое случается со всеми нами.

Харри кивнул. От дуновения ветерка он задрожал. Когда же он сам научился врать? Не в тот ли раз, когда Сес спросила, видит ли их мама с небес? Неужели он научился врать так рано, и не поэтому ли ему было так легко делать вид, что он не знает, чем занимается Олег? Потеря невинности Олега заключалась не в том, что он научился врать, и не в том, что он научился колоться героином и красть драгоценности матери. Она заключалась в том, что он научился без особого риска и весьма эффективно продавать вещества, съедающие душу, разрушающие тело и посылающие покупателей в холодный ад зависимости. Даже если Олег окажется невиновным в убийстве Густо, он все равно будет виновен. Он отправил их в полет. В Дубай.

«Летайте Эмиратскими авиалиниями».

Дубай находится в Объединенных Арабских Эмиратах.

Футболки клуба «Арсенал» носили не арабы, а дилеры, торгующие «скрипкой». Эту форму они получали вместе с инструкциями, как правильно продавать наркотики: у одного деньги, у второго наркота. Бросающийся в глаза и в то же время обычный костюм,

показывающий, чем они торгуют и к какой организации принадлежат. Не к одной из обычных недолговечных банд, всегда попадающих в ловушку собственной жадности, глупости, лени и бесшабашности, но к организации, которая не идет на неоправданный риск, не распространяет информацию о членстве и тем не менее, судя по всему, имеет монополию на новую любимую дурь торчков. И Олег был одним из них. Харри не очень хорошо разбирался в футболе, но был почти уверен, что Перси и Фабрегас – игроки «Арсенала». И был совершенно уверен в том, что ни один из болельщиков клуба «Тоттенхэм» не наденет футболку «Арсенала», если у него нет на то особой причины. Вот этому Олег его научил.

У Олега были веские основания не хотеть разговаривать ни с ним, ни с полицией. Он работал на того или то, о чем никто не знал. На того или то, что могло заставить помалкивать. Вот с чего Харри следовало начать.

Ракель заплакала, уткнувшись лицом ему в шею. Слезы грели его кожу, стекая по телу под рубашкой, по груди, по сердцу.

Темнота наступила быстро.

Сергей лежал на кровати, уставившись в потолок.

Секунды бежали одна за другой.

Медленнее всего время идет, когда ждешь. К тому же он даже не знал наверняка, произойдет ли это. Станет ли необходимостью. Он плохо спал. Ему снились кошмары. Он должен знать. И он позвонил Андрею, попросил разрешения поговорить с дядей. Но Андрей сказал, что атаман ответить не может. И больше ничего.

С дядей всегда было так. То есть бóльшую часть своей жизни Сергей даже не догадывался о его существовании. Только после того как он – вернее, его армянский подручный – появился и решил все вопросы, Сергей начал наводить справки. Его удивило, как мало остальные члены семьи знали о своем родственнике. Сергей выяснил, что дядя приехал откуда-то с запада и в пятидесятые годы женился на представительнице его семьи. Кто-то говорил, что он родом из Литвы, из семьи кулаков, зажиточных крестьян и землевладельцев, которых Сталин активно переселял, и что семью дяди депортировали в Сибирь. Другие утверждали, что он состоял в маленькой группе Свидетелей Иеговы, депортированных в Сибирь из Молдавии в 1951 году.

Старая тетушка Сергея рассказывала, что, хотя дядя был образованным человеком, владел несколькими языками и обладал хорошими манерами, он быстро перенял простой уклад жизни семьи и старые сибирские преступные традиции, как будто они всегда были частью его жизни. И вполне возможно, именно его умение приспособливаться к любым обстоятельствам в сочетании с явным предпринимательским талантом привело к тому, что со временем другие преступники признали его за главного. Вскоре он стал руководить самой прибыльной контрабандной сетью во всей Южной Сибири. В восьмидесятые годы бизнес дяди стал настолько крупным, что власти, несмотря на взятки, уже не могли смотреть на него сквозь пальцы. Советская милиция вступила в дело, когда Союз находился уже на грани распада. Она провела жестокую и кровавую облаву, которая, по словам соседа, помнившего дядю, больше походила на блицкриг, а не на торжество закона. Сначала сообщили, что дядя убит. Говорили, что его застрелили в спину и что милиция, опасаясь репрессий, в полной тайне утопила его труп в Лене. Один из ментов украл его нож и постоянно им хвастался. Но год спустя дядя прислал о себе весточку. Оказалось, он живет во Франции. Он сообщил, что ушел в подполье, и единственное, что его интересовало, – это беременна его жена или нет.

Она не была беременна, и поэтому еще несколько лет в Тагиле ничего о дяде не слышали. Пока не умерла его жена. Тогда, как рассказывал отец, он приехал на похороны. Он оплатил все расходы, а похороны по русской православной традиции стоят недешево. Он дал денег ее родственникам, нуждавшимся в помощи. Отец Сергея был не из их числа, однако именно к нему дядя пришел, чтобы разузнать о том, какие родственники остались у его жены в Тагиле. И тогда же его внимание обратили на племянника, маленького Сергея. На следующее утро дядя снова исчез, так же таинственно и необъяснимо, как появился. Годы шли, Сергей стал подростком, потом взрослым, и большинство родственников полагало, что дядя – а все помнили, что в последний раз он приезжал в Сибирь уже стариком, – давно умер и похоронен. Но когда Сергея взяли за контрабанду хэша, внезапно появился человек, армянин, представившийся подручным дяди, решил проблемы Сергея и передал ему приглашение дяди приехать в Норвегию.

Сергей посмотрел на часы. И пришел к бесспорному выводу, что с того момента, как он смотрел на них в последний раз, прошло ровно двенадцать минут. Он закрыл глаза и постарался представить его. Полицейского.

Кстати, во всей этой истории о мнимом убийстве дяди была одна интересная деталь. Мент, укравший его нож, был вскоре найден в тайге, точнее, было найдено то, что от него осталось. Остальное было съедено медведями.

Когда зазвонил телефон, за окном и в комнате было уже совершенно темно.

Это был Андрей.

Турд Шульц отпер дверь своего дома, заглянул во мрак и минуту постоял, прислушиваясь к тишине. Не включая света, он сел на диван и подождал, когда раздастся успокаивающий рев очередного самолета.

Его выпустили.

Человек, представившийся инспектором полиции, зашел в камеру, уселся на корточки и спросил, какого черта он прятал в своем чемодане картофельную муку.

– Картофельную муку?

– В криминалистической лаборатории Крипоса утверждают, что мы прислали им именно муку.

Турд Шульц повторил то же самое, что говорил, когда его арестовали, – повторил необходимую процедуру: он не знает, как пакет оказался в его чемодане, и не знает, что в нем.

– Ты врешь, – сказал инспектор. – И мы будем приглядывать за тобой.

Потом он придержал дверь камеры и подал ему знак выходить.

Турда бросило в пот от пронзительного звука, внезапно заполнившего голую темную комнату. Он поднялся и стал ощупью пробираться к телефонному аппарату, стоящему на стуле у тренажера.

Звонил руководитель полетов. Он сказал, что Турд пока отстранен от международных рейсов и переведен на внутренние.

Турд поинтересовался почему.

Руководитель полетов объяснил, что руководство авиакомпании обсудило сложившуюся ситуацию на специальной встрече.

– Я надеюсь, вы понимаете, что мы не можем поставить вас на международные рейсы, пока над вами висит такое подозрение.

– Почему в таком случае вы не оставите меня на земле?

– Так решили.

– Так решили?

– Если мы временно отстраним вас, а информация об аресте просочится в прессу, то журналисты вскоре придут к выводу, что мы думаем, у вас в пакете была не просто мука. Э-э... это не шутки.

– А вы так не думаете?

На другом конце возникла пауза, после чего прозвучал ответ:

– Репутация авиакомпании сильно пострадает, если мы признаем, что подозреваем одного из наших пилотов в контрабанде наркотиков, вам так не кажется?

«Это не шутки».

Все остальное, сказанное руководителем полетов, утонуло в гуле «ТУ-154».

Турд положил трубку.

Он на ощупь вернулся к дивану и уселся. Провел кончиками пальцев по стеклянной поверхности стола. Ощутил пятнышки стертой слизи, слюны и остатки кокаина. Что дальше? стакан или дорожка? стакан *и* дорожка?

Он поднялся. «Туполев» летел низко. Свет, появившийся сверху, заполнил всю гостиную, и Турд внезапно увидел в оконном стекле свое зеркальное отражение.

А потом снова наступила темнота. Но он успел разглядеть. Успел разглядеть в собственном взгляде то, что увидит во взглядах коллег. Презрение, осуждение и – что хуже всего – жалость.

«Внутренние рейсы». «Мы будем приглядывать за тобой». «До встречи».

Если он не сможет летать за границу, он больше не будет представлять для них никакой ценности. Для них он будет отчаявшимся, погрязшим в долгах, кокаиновой зависимым фактором риска. Человек в поле зрения полиции, человек под давлением. Он знал не много, но более чем достаточно для того, чтобы разрушить выстроенную ими инфраструктуру. И они сделают то, что должны. Турд Шульц закинул руки за голову и застонал. Он не был рожден для полетов на истребителях. Он вышел из себя и был не в состоянии вернуть контроль над ситуацией, он просто сидел и смотрел на то, как, кружась, падает на землю. И знал, что единственный шанс выжить – это пожертвовать истребителем. Ему надо было нажать кнопку катапультирования. И вылететь на своем кресле. Немедленно.

Ему надо пойти в полицию, к кому-нибудь занимающему довольно высокое положение и возвышающемуся над коррупционными деньгами нарколиги. Он должен пойти к начальству.

Да, подумал Турд Шульц. Он выдохнул и почувствовал, как расслабились мышцы. А ведь он даже не заметил, как они напряглись. Надо пойти к начальству.

Но сначала выпить.

И нюхнуть.

Харри взял ключ от номера у того же молодого портье.

Поблагодарив его, он медленно пошел вверх. По дороге от станции метро на площади Эгерторге до гостиницы «Леон» он не заметил ни одного человека в футболке «Арсенала».

Приближаясь к номеру 301, Харри сбавил скорость. Две лампочки в коридоре перегорели, и здесь было так темно, что он отчетливо видел свет, идущий из-под его собственной двери. Цены на электричество в Гонконге отучили Харри от норвежской привычки не выключать свет, уходя из дома, но, возможно, свет забыла выключить горничная. В таком случае она забыла и запереть дверь.

Держа ключ в правой руке, Харри толкнул дверь. В свете единственной люстры он увидел человека. Тот стоял спиной к нему, склонившись над его кожаным чемоданом, лежащим на кровати. В тот миг, когда дверь с легким стуком коснулась стены, незнакомец спокойно повернулся, и Харри увидел удлиненное морщинистое лицо человека с мягкими глазами сенбернара. Высокий сутулый мужчина был одет в длинное пальто и шерстяной свитер с грязным воротом. Сквозь длинные грязные волосы торчали самые большие уши из всех, что Харри доводилось видеть. Человеку было лет семьдесят, не меньше. Они были абсолютно ничем не похожи, однако первое, что пришло Харри в голову: он видит свое зеркальное отражение.

– Какого черта ты здесь делаешь? – спросил Харри, стоя в коридоре.

Обычный вопрос.

– А на что это похоже?

Голос был моложе лица, в нем чувствовалась мощь, и говорил незнакомец с характерной шведской интонацией, которую так любят шведские поп-группы и миссионеры.

– Как видишь, я вломился сюда, чтобы проверить, нет ли у тебя чего-нибудь ценного. – Он поднял обе руки. В правой оказался универсальный адаптер, в левой – дешевое издание

«Американской пасторали» Филипа Рота. – А больше у тебя ничего нет.

Он бросил вещи на кровать. Заглянул в маленький кожаный чемодан и перевел вопросительный взгляд на Харри:

– Даже электробритвы нет?

– Да какого хрена... – Харри плюнул на обычные процедуры, зашел в номер и захлопнул крышку чемодана.

– Спокойствие, сын мой, – сказал мужчина, держа поднятые руки перед собой. – Ничего личного. Ты новый постоялец в этом заведении. Вопрос только в том, кто первым тебя ограбит.

– Здесь? Ты хочешь сказать...

Старик протянул ему руку.

– Добро пожаловать. Я Като. Живу в триста десятом.

Харри посмотрел на большой грязный кулак, похожий на сковородку.

– Давай, – кивнул Като. – Руки – единственная часть меня, которую можно трогать.

Харри назвал свое имя и пожал его руку. Она оказалась на удивление мягкой.

– Руки священника, – сказал мужчина, словно отвечая на его мысли. – У тебя выпить есть, Харри?

Харри кивнул на чемодан и открытые дверцы шкафа:

– Это ты уже выяснил.

– Что у тебя ничего нет в номере, да. А вдруг есть с собой? Например, в кармане.

Харри достал игровую приставку «Геймбой» и кинул ее на кровать, к другим разбросанным вещам.

Като наклонил голову и посмотрел на Харри. Ухо его смялось о плечо.

– Глядя на такой костюмчик, я бы подумал, что ты из тех, кто снимает номер на час, а не из постоянных жильцов. А что ты тут делаешь?

– Мне кажется, этот вопрос задал я.

Като положил руку на плечо Харри и посмотрел ему в глаза.

– Сын мой, – произнес он мощным голосом и провел двумя пальцами по льняной ткани. – Это очень хороший костюм. Сколько ты за него отдал?

Харри должен был что-то сказать. Совместить вежливую фразу с отказом и угрозой. Но он понял, что от этого пользы будет мало. Он сдался. И улыбнулся.

Като улыбнулся ему в ответ.

Как зеркальное отражение.

– Не буду больше болтать, к тому же мне пора на работу.

– Какую?

– Вот видишь, ты тоже не интересуешься своими ближними. Я проповедую слово Божие несчастным.

– В это время?

– Мое призвание не связано с расписанием церковных служб. Прощай.

Галантно поклонившись, старик повернулся и ушел. Когда он переступал порог номера, Харри увидел, что из кармана пальто Като торчит одна из его нераспечатанных пачек «Кэмела». Харри закрыл за ним дверь. В номере висел запах старости и пепла. Харри подошел к окну и распахнул его. Помещение сразу наполнили звуки города: слабый ровный шум дорожного движения, ритмы джаза из открытого окна, далекое завывание полицейской сирены, крик несчастного, изливающего свою боль где-то между домами, а следом звук

бьющегося стекла, ветер, шелестящий опавшей листвой, стук женских каблучков. Звуки Осло. Слабые признаки движения заставили его посмотреть вниз. Свет одинокой лампочки на стене заднего двора падал на мусорный бак, стоявший под окном Харри. В нем блеснул коричневый хвост. На краю бака сидела крыса, поднявшая кверху блестящий нос. Харри вспомнил слова своего рассудительного работодателя Хермана Ключейта, которые, возможно, относились, а возможно, и нет к его собственной деятельности: «Крыса – она ни плохая, ни хорошая. Она просто делает то, что должна делать крыса».

В Осло наступила худшая часть зимы. Время перед тем, как фьорд покрывается льдом, когда по центральным улицам носится ледяной соленый ветер. Я, как обычно, стоял на улице Дроннингенсгате и толкал спид, стесолид и рогипнол. Я переминался с ноги на ногу. Пальцы на ногах потеряли чувствительность, и я раздумывал над тем, не потратить ли дневную выручку на дорожные ботинки фирмы «Фриланс», которые я видел в окне универмага «Стен & Стрём». Или на айс, который, по слухам, появился на Плате. А может, мне удастся заныкать немного спида – Туту не заметит – и купить ботинки. Но, поразмыслив здраво, я решил, что безопаснее плюнуть на ботинки и отдать Одину все, что ему причитается. Во всяком случае, мое положение было лучше, чем у Олега, которому приходилось начинать с низов, торгуя хэшем в ледяном аду у реки. Туту выделил ему место под мостом Нюбруа, где ему приходилось конкурировать с выходцами из говенных дыр со всего света, и наверняка от моста Анкербруа до самого фьорда Олег был единственным, кто хорошо говорил по-норвежски.

Я заметил парня в футболке «Арсенала», стоящего немного дальше по улице. Обычно там стоял Псина, прыщавый выходец из Южной Норвегии в собачьем ошейнике. Новый человек, а процедура та же самая: собирает стаю. Пока перед ним в ожидании стояли трое клиентов. Одному богу известно, чего они так боялись. Легавые уже давно махнули рукой на этот район, и если они вязали дилеров на этой улице, то только для виду, потому что кто-то из политиков снова что-то протявкали.

Мужик, одетый так, словно собирался на конфирмацию, прошел мимо стаи, и я увидел, как они с «Арсеналом» едва заметно кивнули друг другу.

Мужик остановился рядом со мной. Плащ от Фернера Якобсена, костюм от Эрменеджильдо Зеньи и косой пробор как у музыкантов группы «Серебряные мальчишки». Он был огромным.

– Somebody wants to meet you^[19], – произнес он по-английски с рычащим русским акцентом.

Я посчитал, что это обычное дело. Он видел мое лицо, подумал, что я продаюсь, и захотел получить минет или мою молодую задницу. И надо признаться, что в такие дни, как этот, я часто задумывался о смене сферы деятельности: сиденья в машине с подогревом и почасовая оплата в четыре раза выше.

– No thanks^[20], – ответил я.

– Right answer is 'yes, thanks'^[21], – сказал мужик, схватил меня за руку и скорее понес, чем поволол к черному лимузину, в тот же миг беззвучно подъехавшему к краю тротуара прямо перед нами.

Задняя дверь открылась, и, поскольку сопротивляться было бесполезно, я начал думать о том, как бы не продешевить. Оплаченное изнасилование в любом случае лучше, чем бесплатное.

Меня бросили на заднее сиденье, и дверь закрылась с мягким дорогим щелчком. Через окна, снаружи казавшиеся черными и непрозрачными, я увидел, как мы повернули на запад. За рулем сидел маленький человек с такой маленькой головой, что на ней едва помещались большие вещи: brutальный носяра, белая беззубая акуля челюсть, выпученные глазщи и брови, которые, казалось, были приклеены некачественным клеем. На нем тоже был дорогой похоронный костюм и проборчик хориста. Он глянул на меня в зеркало заднего вида:

– Sales good, eh?^[22]

– What sales^[23], козел?

Коротышка дружелюбно улыбнулся и кивнул. В глубине души я решил, что не дам им скидку за обслуживание нескольких человек, если они об этом попросят, но затем по взгляду коротышки я понял, что они хотят не меня. Им нужно другое, а что именно, я пока не мог прочитать в его глазах. Появилась и исчезла ратуша. Американское посольство. Дворцовый парк. Дальше на запад. По улице Киркевейен. НРК^[24]. А потом виллы, район богачеев.

Мы остановились на пригорке перед большой деревянной виллой, и похоронные агенты проводили меня к воротам. Пока мы скользили по гравию к дубовой двери, я огляделся по сторонам. Территория виллы была огромной, как футбольное поле, повсюду росли яблони и груши, тут же возвышалась цементная башина, похожая на бункер вроде тех, что в пустыне используют в качестве точек, торгующих водой; гараж на две машины с железными воротами, которые всегда наводят на мысли о скрывающихся за ними машинах «скорой помощи». Забор из металлической сетки высотой метра два-три огораживал это великолепие. У меня уже появились мысли насчет того, куда мы идем. Лимузин, ломаный английский, «sales good?», вилла, похожая на крепость.

В маленькой гостиной здоровенный костюм обыскал меня, а потом вместе с коротышкой направился в угол, где стоял маленький столик, покрытый красной войлочной скатертью, а на стенах висело множество старых икон и распятий. Оба они достали свои пушки, положили на красный войлок, а сверху каждый положил свой крест. Затем коротышка открыл дверь в другую гостиную.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Так у автора. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

До двух пятерок (*англ.*).

«Добро пожаловать в джунгли» (англ.).

«Приходи таким, какой ты есть» (*англ.*).

Главный герой американского телесериала «Безумцы» (2007), действие которого происходит в 1960-е годы.

Американский фильм 1983 года, снятый по одноименной книге Тома Вулфа.

Ох, я чуть не забыл. Вчерашняя доставка... *(англ.)*

Простите (*англ.*).

Дома и в безопасности *(англ.)*.

Простите, сэр! *(англ.)*

«Вновь вернулись счастливые дни» (*англ.*), известная американская песня.

Главное управление криминальной полиции Норвегии.

Эпидемия чумы, разразившаяся в Европе в 1347–1351 гг.

Название Осло с 1877 по 1924 г.

Цитата из пьесы «Пер Гюнт» Г. Ибсена.

Игроки футбольного клуба «Арсенал».

Понимаешь? *(ит.)*

Главный норвежский праздник, День Конституции Норвегии.

Кое-кто хочет с тобой встретиться (*англ.*).

Нет, спасибо *(англ.)*.

Правильный ответ «да, спасибо» (*англ.*).

Хорошо идет торговля? *(англ.)*

Какая торговля? *(англ.)*

Норвежская государственная телерадиокомпания.